

АРИНА

ХОЛДИНА

Роскошным **Стервам**
Большого Города

Настольная книга
СЕРДЦЕЕДКИ

Магия
РЕКОМЕНДУЕТ *Cosmo*

Арина Холина

Настольная книга сердцеедки

«ЭКСМО»

2006

Холина А. И.

Настольная книга сердцеедки / А. И. Холина — «Эксмо», 2006

Если твоя сестра – звезда телевидения, если твоя мать – светская львица, отец преподает в Оксфорде, отчим возглавляет рейтинг «Форбс», а ты каждый раз со скандалом выбиваешь зарплату из самодура-начальника, живешь в съемной квартире с ванной на кухне и вся твоя личная жизнь – бокал вина, сериал «Отчаянные домохозяйки» и преогромный торт со взбитыми сливками, то у тебя есть только один выход – стать ведьмой! Ведь иногда это просто необходимо!

© Холина А. И., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Арина Холина

Настольная книга сердцеедки

Глава 1

Если жизнь вдруг казалась страшной несправедливостью: начальник в очередной раз довел до нервного припадка; отношения с неким Никитой или неким Борей, как всегда, продержались полтора месяца и опять завершились фразой: «Как я могла связаться с этим уродом!»; в сотый раз не хватило денег на покраску битой машины... – Аврора знала, что надо делать.

Она отключала телефоны, надевала фланелевую пижаму в мишках Тедди и пряталась под одеяло. Очень прогрессивный метод!

Одеяло спасало от всех страхов и сомнений: под толстым слоем синтепона было тепло, уютно и безмятежно. Где-то там, снаружи, шел мокрый снег, улицы покрывали толстая наледь и грязь от гремучей смеси соли, песка и химикатов, на кухне, кажется, уже шевелилась трехдневная груда грязной посуды, а телефон наверняка обрывала мама, которая всегда ухитрялась отловить Аврору в самый неподходящий момент – в туалете или во время секса.

Под одеялом, сжавшись в калачик и обняв нежную пуховую подушку, Аврора воображала, что там, вокруг, совсем не ее квартира, а шикарный особняк за городом, в сосновом бору, где и озеро есть, и ели со снежными лапами, а в доме окна во всю стену, и деревянная мебель, и камин...

Аврора представляла себе, как в один прекрасный день курьер DHL вручит ей письмо от адвоката, из которого станет известно, что она – единственная наследница состояния какого-нибудь европейского миллионера. Позже адвокат пояснит, что миллионер по матери – русский, под конец жизни отыскал родственников и все оставил двоюродной внучке – ей, Авроре.

«Жалко, что все наши миллионеры – молодые, – подумала Аврора. – Вот скончается какой-нибудь Березовский и оставит Маше Ивановой из Моршанска пару миллионов, вот тогда начнется массовая истерика...»

Но как же это было соблазнительно воображать: неизвестный щедрый миллионер, сладкая жизнь «по праву рождения»! Ничего не надо делать, просто наслаждайся тем, какие у тебя классные родственники...

«Со мной ничего подобного уж точно не случится», – расстроилась Аврора и потянулась к своим транквилизаторам. Откинув одеяло, зачерпнула из пакета горсть «Мишек», развернула, сжала фантики в комочек – чтобы не валялись горой, и съела все конфеты – пока не закашлялась от того, что во рту стало невыносимо сладко. Обнаружив, что чай в чашке закончился, сказала «Тьфу!» и отправилась греть воду.

Аврора не была мямлей и размазней. Скорее наоборот. Она была современной, резкой, остроумной и даже немного циничной девушкой. Но... Есть ведь люди – прекрасные, умные, талантливые люди, которые... ну, скажем, никак не способны водить машину: газ путают с тормозом, право – с лево, а как следствие – паника, истерика... Так же и Аврора при всех ее достоинствах не могла управиться с собственной жизнью.

Знала, что лучший способ усмирить босса, одуревшего от ощущения собственной значимости радиодиджея, – просто послать его, и чем дальше, чем изошреннее, тем большим уважением он к ней проникнется. И сколько раз, уже почти выдохнув: «Да шел бы ты на... и растудить твою мать! В... такую работу!» – Аврора отвечала: «Я поняла. Хорошо. Ладно» – и уходила, дрожа от ярости. Потому что если ее матюки не сработают, если уволят – а он мог

и без повода уволить, просто так, под горячую руку, решив, что кто-то там не соответствует его гороскопу, – то...

То что?

Аврора даже представить не могла – ЧТО.

Возвращаться к маме?

Конечно, та ее пустит. Но с демонстративным проявлением такого презрения, с выражением такого сочувствия к себе, любимой, за то, что родила такую нелепую дочь; со столь громкими упреками и предупреждениями, что это всего на две недели, а заодно со ссылками на Жанну – идеальную дочь, которая не просто зарабатывает кучу денег, встречается с лучшими представителями а) богемы, б) бизнеса, в) просто с очень красивыми мужчинами и ко всему прочему сама – звезда экрана, что Авроре заранее казалось: лучше пусть ее в тюрьму посадят или заставят любимому боссу ботинки чистить – только не это.

Размышляя подобным образом, Аврора добралась до кухни, которая была еще и ванной. Все в этой квартире было странным. Комната и кухня огромные, а коридора почти нет. В туалете запросто можно было поставить письменный стол, а вот ванна – на кухне, за шторкой, старая и жуткая. Ко всему прочему вода нагревалась с помощью кошмарной колонки – черной, перекоренной, которая, по слухам, уже не раз взрывалась. Окна были высокие, старые, с такими щелями, что их пришлось заливать герметиком – в первую же зиму Аврора чуть не умерла от холода. Батареи грели отчего-то только в начале осени и в конце весны, а всю зиму стояли едва теплые. Приходилось с риском для жизни пользоваться обогревателями – проводка была наружной, хлипкой и не выдерживала больше одного прибора в одну розетку. Как-то, прямо у Авроры на глазах, обуглился провод, это отучило ее пользоваться электрическим чайником. Единственное, что радовало, – хозяйка сдавала квартиру за смешную цену: во-первых, потому, что этот ее сарай, хоть он и находится в самом центре города, никто не желал снимать: слишком много неудобств и хлопот по их преодолению, а во-вторых, потому, что хозяйка, Елена Владиславовна, всю жизнь дружила с бабушкой Авроры.

Аврора поставила чайник на плиту и с ненавистью уставилась на ванну. Когда она только-только сюда переехала, ванная на кухне ее даже веселила – нежишься в пене, куришь, пьешь кофе... Но как только она привела к себе молодого человека... Как его звали? Э-э... Паша, кажется... Так вот, когда Паша узнал, что мыться надо рядом с плитой... В общем, он тоже посмеялся, но было в его смехе что-то обидное. Потому что, согласитесь, ванна на кухне – это ненормально.

Собственно, и вся Аврора была ненормальной. Мама – редактор известной газеты, отец преподает в Оксфорде, отчим – бизнесмен, сестра – звезда, а Аврора...

Первый раз ей захотелось убить маму, когда та сначала пообещала ей квартиру бабушки – дивную квартиру на Тверской, а потом, когда Аврора уже собрала вещи и купила вешалку в коридор, сообщила, что она решила квартиру сдавать и Аврора должна войти в ее положение. Мило. Второй раз подобное желание возникло, когда квартиру на проспекте Мира, которая досталась от дедушки, милостиво предоставили Жанне. Отчим Авроры, родной отец Жанны, сделал там ремонт, и матушка погнала «телегу» насчет того, что отчим их всех содержит, так что ему принимать решение, как распоряжаться имуществом. Бред! Бред и свинство!

Конечно, можно было снять «нормальную» квартиру, причем где-нибудь даже не в Митине, а хотя бы в Свиблове, но Авроре страсть как не хотелось жить в Свиблове. Поэтому она время от времени пугала молодых людей занавеской, старой ванной, допотопной плитой и холодильником «ЗИЛ», который достался ей вместе с квартирой и у которого дверца открывалась целиком – то есть она не держалась на петлях. Иногда Аврора надеялась, что когда-нибудь сможет даже выкупить эту странную квартиру, сделает вместо ванны душевую кабину и освежит потолок и...

Но все упиралось в деньги, которых никогда не хватало. Аврора как-то заикнулась насчет денег в долг у отчима, но мама ее заклевала: мол, они и так по гроб жизни ему обязаны. К тому же как она будет долг отдавать – со своей смешной зарплаты?

Вообще-то отчим был довольно щедрый – маме дарил шикарные вещи, украшения, она покупала фантастическую мебель. И Жанна тоже отлично себя чувствовала – отец презентовал ей «Ауди ТТ» и все такое, и не то чтобы он как-то особенно не любил Аврору, просто матушке не хватало сил расстаться с деньгами в пользу старшей дочери. К тому же она всегда повторяла, что у Авроры есть родной отец.

Однако отца, который давно уехал в Оксфорд преподавать русскую литературу (Аврора предполагала – подальше от мамы), нельзя было назвать человеком с большой буквы. Он более или менее привык к мысли, что у него есть дочь, только когда Аврора стала сама зарабатывать на жизнь и окончательно рассталась с надеждой на то, что родители – это те люди, которые могут решить ее проблемы. Отец стал писать из Англии длинные, увлекательные письма, начал всерьез беспокоиться насчет того, что Аврора знает всего один иностранный язык – английский. И еще он выражал недоумение, почему его дочь, его кровь и плоть, выбрала такую невыразительную профессию – координатор.

Да, на радио Аврора была чем-то вроде администратора, но почему-то там администратором ее не называли, а величали именно координатором. А заодно она делала репортажи и «стрит-толки» – чтобы не умереть от тоски. Работа была гнусная – начальство за лишнюю копейку готово было повеситься, а если вдруг сослуживцы подозревали, что именно у тебя есть шанс получить повышение, то за считанные секунды плелись интриги, придумывались ловушки и совершались всевозможные инсинуации. Аврора, насмотревшись, как рыдают, скандалят и увольняются коллеги, знала, что именно здесь ей карьера не светит, и решила при первой возможности перейти на другую станцию. Но возможности отчего-то не возникали. Аврора так выматывалась на работе, которая начиналась в одиннадцать утра и не заканчивалась никогда, что ей просто не хватало времени наводить мосты. Она даже с мужчинами знакомилась там, куда ходила по работе. И это у нее тоже получалось с переменным и сомнительным успехом.

Какое счастье! Завтра настоящий, полноценный выходной! Ей не надо в субботу ехать на радио – «всего на пару часов», потому что приезжает какой-нибудь Шнур и всех корреспондентов, секретарш и прочих надо так построить, чтобы ему не забыли выписать пропуск, не оставили где-нибудь в коридоре без чая и кофе, разрешили курить, ну и все такое...

Зазвонил телефон.

Аврора схватилась за голову. Она совершенно забыла о рабочем мобильном, который уже полдня обещал разрядиться. Но не разрядился, скотина!

– Алло... – с мукой в голосе произнесла она в трубку. У нее был особенный голос для особых случаев – если надо было соврать, что болеешь, когда тебя пытаются отослать на вечеринку для рекламодателей в какой-нибудь «Истра Холидей», куда надо приехать в семь утра и проследить, чтобы на всех хватило столовых приборов.

– Аврора! – возмутилась мама. – Я тебе звоню уже пять раз подряд! Ты где?

– Мам, я спала, – вяло отозвалась Аврора.

– Сейчас всего девять вечера! Ты взяла моду так рано ложиться? – негодовала матушка.

– Мам, у меня мужчина, и мы занимались любовью! – сорвалась Аврора, которая устала от того, что родительница вечно к ней цепляется.

Но мама никогда не слышала того, чего не хотела слышать. Поэтому она просто не обратила внимания на слова Авроры. Или материнское сердце подсказало ей, что дочка врет.

– Ты помнишь, что завтра день рождения Степана? – спросила она.

Степан – это отчим. Если честно, Аврора его... недолюбливала. С одной стороны, он был не злой человек. Но, во-первых, лично для нее, Авроры, он не сделал ничего хорошего. Ни разу не помешал матушке ее мучить, делать ей замечания и негодовать на тему того, какая у

нее бестолковая дочь. Все восхищались, какой Степан герой – воспитывает чужую девочку, как родную, но все дело в том, что он ее не воспитывал! Всего один раз, когда Аврора в шестнадцать лет первый раз напилась до розовых слонов, позвонила домой, нарвалась на Степана и попыталась объяснить, что ей нужно вызвать такси, но у нее нет денег, он ее нашел, привез, помог добраться до кровати и посоветовал не мешать водку с портвейном. Все!

Отчим начинал рабочим на заводе, а потом купил фабрику и еще парочку, но даже сейчас, когда мамаша заставляла его покупать костюмы от «Китон», они смотрелись на нем, как телогрейка. Шикарный костюм существовал как-то совершенно отдельно от Степана, впрочем, как и часы – золотой «Ролекс» выглядел на нем дешевой подделкой. Отчим был театрално грубоват, очень гордился своим происхождением – вот, мол, как высоко прыгнул, и часто маскировал эдакой пролетарской беспардонностью сложные чувства, правда, Аврора не могла понять, какие именно. Но вопросы вроде: «А чего это вы столько голой снимаетесь?», адресованные начинающей актрисе, он задавал, кося под дурачка, и все ему прощали – вроде чего с него взять, из грязи в князи... Авроре же мерещилось, что он играет в какие-то хитрые психологические игры. Правда, все могло быть проще – наверное, он и есть такой валенок, каким хочет казаться...

Авроре он тоже запросто мог надавить на больное: пошутить по поводу ее успешной карьеры. Мол, годам к сорока дослужиться до ассистента программного директора – «принеси кофе, распечатай договор» – дивная должность. Радовало лишь то, что Степан никому не давал спуска. Даже родную дочку Жанну он подкалывал на тему того, как странно, что в ее возрасте все еще растет грудь – в двадцать была одного размера, а в двадцать три увеличилась.

Собственно, загадка объяснялась просто: Жанна нарастила грудь до третьего номера, так как считала, что просто обязана эксплуатировать свою сексуальность, раз уж ей повезло родиться такой красивой и соблазнительной. А для такой лапочки и куколки это нонсенс – грудь первого размера! Жанна заняла у мамы денег (которые не дали Авроре на покупку новой машины), закачала в себя силикон, и... количество писем из колоний строгого режима на имя звезды экрана увеличилось в три раза...

– Нет, – искренне ответила маме на ее вопрос Аврора.

Предполагалось, что в связи с днем рождения Степана все родственники должны за неделю созваниваться, охать, охать, обсуждать, как банально дарить «Картье» и как пошло покупать аксессуары от «Гермес», придумывали какие-то тайные поездки в Милан за последними новинками от «Костюм Националь». А так как Аврора не могла принять во всем этом участия, то о дне рождения отчима она вспоминала за два часа до праздничного события – тем более что лично ей мама со Степаном на день рождения который уж год подряд дарили кожаные перчатки. Заурядные кожаные перчатки – коричневые. Сначала – несколько лет – черные, но теперь только коричневые.

Мама выдержала паузу.

– Тогда купи ему завтра что-нибудь скромное. Например, галстук от «Корнелиани», – холодно посоветовала она. – Будут гости.

– Какие гости? – осторожно спросила Аврора.

Мама не без удовольствия перечислила. В последнее время Степан и его компаньоны увлеклись кино, театром и благотворительностью, что помогало им дружить с режиссерами, актерами и политиками. Так вот завтра они все и приедут на скромный домашний прием.

Аврора похолодела. Конечно, домашний прием – это круто. Будет отличный стол, все очень вкусно, из ресторана, и знаменитые актеры – тоже здорово, но...

Что она наденет? У нее не то чтобы шикарного вечернего платья, у нее и обычного-то вечернего платья (или хотя бы вечерней кофты) нет. Конечно, она может завтра махнуть в «Наф-Наф» и купить там что-нибудь красивое, но ведь остальные – и мама, и Жанна будут в

чем-то восхитительном и очень дорогим, да еще и украшения наденут... И они будут кривиться из-за того, что на ней «Наф-Наф», а не «Луи Виттон», и Авроре будет неприятно.

– Мам, а зачем я вам нужна? – пробормотала она. – Я смертельно больна, парализована...

– Вызови врача! – отрезала мама. – Завтра придут известные люди, и я не хочу, чтобы создавалось впечатление, что у нас недружная семья...

– Ма, – повеселела Аврора, – а Степа что, в Думу целится?

Мама выдержала еще одну паузу, еще более напряженную. Просто мхатовскую драматическую паузу! Во-первых, она не любила, когда Степана называли Степой. Ее вообще тихо бесило имя супруга. Но из двух зол – не выходить замуж за человека по имени Степа или найти другого претендента на свою руку, с элегантным именем, пусть и немного беднее, – она выбрала меньшее и называла мужа полным именем. Аврора вообще не раз замечала, что Степан матушку немного раздражает. Давным-давно она рассчитывала его переделать: предполагала, что тот похудеет, овладеет светскими манерами, будет с усталым видом говорить, что отдыхать можно только на Сейнт Барте, но Степа так и остался при спасательном круге на талии и с румянцем во всю щеку – этаким простачком, которого нимало не волнует, что о нем думают люди, включая и жену, и детей, и родителей.

Аврора помнила, что когда-то давно, когда мама была еще обычной журналисткой, а Степан работал каким-то там замдиректора на каком-то заводе, мама была веселой, пусть немного высокомерной, пусть с претензиями, но вполне сносной, а временами очень даже обаятельной женщиной. Кажется, она любила, что называется, загулять, и маленькие Аврора с Жанной подслушивали под дверь семейные ссоры – мама, кстати, умела тогда здорово ссориться: била посуду, вопила, как в итальянских фильмах, а потом бросалась на Степана и кричала, что любит его больше жизни. Подруга Авроры, Лена, очень боялась, когда родители ссорились: мама потом неделю не разговаривала с отцом, а тот приходил домой мрачный, с бутылкой пива, и не брился. Аврора же с детства не боялась скандалов – мама умудрялась любую ссору превратить в фарс, даже если Степан пытался выяснить, что за синяки у нее на шее и почему от нее пахнет «Фаренгейтом». Страшно стало потом – когда мама свихнулась на карьере, вечной молодости и духовном перерождении. Как-то сразу, вдруг, она превратилась в зануду, ханжу и фанатку каких-то кошмарных диет, и ко всему разом всплыли былые обиды, от упреков в адрес отца Авроры до воспоминаний, как трудно было самой Авроре рожать. Мама стала серьезной и правильной – настолько, что даже намек на то, что Степан в качестве депутата – это весело, вывел ее из равновесия. Ну, как же – человек растет над собой, а сие достойно уважения...

– Такие вещи по телефону не обсуждают, – отчеканила мамаша. – Завтра в семь на Новой Риге, в нашем доме.

– Ма, мне это снится или ты затеяла всем показать, какая у нас образцовая семья? Ты что, позвала прессу? – ахнула Аврора.

– Ты там у себя на работе совсем одичала, – не совсем ясно выразилась мама и повесила трубку.

Аврора посмотрела на мобильник, скорчила ему морду и тоже отключилась.

Единственное, что ее может спасти – это немедленно позвонить Ларисе и попросить у нее какое-нибудь вечернее одеяние. Приятельница Авроры, владелица марки «Персонаж», иногда выручала знакомых, которым была нужна модная одежда не слишком дорого. А что, неплохой выход из положения: если мамаша реально соберет у себя светских хроникеров и у Авроры, не дай бог, как у дочери известного бизнесмена, спросят, что за наряд она надела на столь торжественное событие, можно будет разрекламировать подругу (вряд ли кто решит, что она надела ее платье от бедности – все-таки дочь известного предпринимателя) и получить скидку.

«Хорошо, наверное, быть известной, – вздохнула Аврора. – Тебе бесплатно достаются разные вещи, тебя приглашают во всякие салоны красоты...» Но тут она вспомнила, что недавно читала интервью, кажется, с Дженнифер Анистон, которая сказала: парадокс в том,

что ей стали дарить дорогие дизайнерские платья тогда, когда она стала в состоянии купить их сама в любом количестве.

Аврора точно знала, что ее сестре дарили кучу тряпок – в основном мужчины. То, что предлагали русские дизайнеры, Жанна забирала, но не носила – ее не устраивали просто красивые вещи, ей важно было, сколько они стоят. Она чувствовала любовь только тогда, когда видела, сколько заплачено за платье, за сережки, за машину... Кулон из серебра от чистого сердца – не смешите! Не то чтобы она была такой жадной, скорее у нее был какой-то заковыристый комплекс... Но Аврора могла сколько угодно рассуждать о том, что у Жанны низкая самооценка – дела это не меняло. Жанна была звездой, а с точки зрения мамы, да и с точки зрения сестры тоже, она, Аврора, была никем.

«Просто не наступило мое время», – сообщила Аврора своему отражению в зеркале.

Как ни странно, Жанна тоже считала себя неудачницей. Не вообще, а на сегодняшний день. В будущем Жанна представляла себя продюсером и владелицей папиных заводов – она уже сейчас прислушивалась к разговорам отца о деле и наматывала на ус полученную информацию. К тому же она мечтала выйти замуж за миллионера – и парочка таких уже имелась у нее на примете. Аврора же была старше сестры на три года и не могла накопить на новую кровать – то одно мешало, отнимало средства, то другое... А ведь кровать она предполагала купить в «Икее», а не в навороченном мебельном магазине.

Аврора до сих пор не могла объяснить самой себе в двух словах, в чем разница между ней и Жанной. Но иногда ей вспоминался случай из детства. Жанне было лет двенадцать, Авроре – пятнадцать, и мама их тогда еще не превратилась в психопатку. Они были в Париже на Рождество, и родители повели девочек в магазин – покупать все самое красивое для праздника. Аврора выбрала классное платье, к нему туфли, бусы и заколку для волос. А Жанна, так как девочкам пообещали все, чего душа пожелает, нахватала аж по три шарфа к двум платьям, четыре пары нарядных туфель, гору косметики, несколько флаконов духов, изысканное нижнее белье, какие-то кремы, шампуни, корзину украшений... Если бы Аврора захапала столько же, Степан бы все оплатил, но ей такое и в голову не пришло. А Жанна не сомневалась – из любой ситуации нужно выжать максимум.

Аврора налила себе чаю, еще раз посмотрелась в зеркало и пустила воду в ванну – надо хоть голову помыть: пусть она и бедная девушка, зато чистоплотная. И если не думать о красавцах мужчинах – манекенщиках, миллионерах и звездах поп-музыки, то ее кухонная ванна – очень даже удобная штука: можно сидеть в земляничной пене, смотреть телевизор, а еще любоваться видом из окна. Ха-ха!

Глава 2

Лариса втюхивала Авроре что-то нежное, воздушное. Но в последнее мгновение, уже подавшись на уговоры, Аврора вспомнила один анекдот. Мужчина спрашивает продавщицу: «Что это у вас такое нежное, такое воздушное, восхитительное?..» – «Зефир». – «Ну, тогда дайте мне три бутылки водки!» Аврора расхохоталась и выбрала пышную юбку и майку с пайетками. «Все-таки майка... – решила она, – позволит мне остаться самой собой».

Аврора была красивой девушкой. Если бы она покрасилась в блондинку, сделала профессиональный макияж и надела меховую куртку от «Дольче & Габбана», мужчины бы ползали за ней на животе по грязному московскому асфальту. Но Авроре нравился ее родной, темно-русый цвет волос, нравилось, что ее лицо выразительно и без макияжа – черные брови, длинные ресницы, ярко-голубые глаза, сочные губы, хоть не очень полные, но красивой формы...

Когда она заявляла: «Пусть меня любят такой, какая я есть», и мама, и Жанна закатывали глаза. Уж они-то торчали перед зеркалом часа по полтора, перед тем как выйти на улицу с помойным ведром! Нет, Аврора из чистого упрямства пользовалась только пудрой, тушью для глаз и прозрачным блеском для губ. И еще, ей не нравился этот сигнал: «Я, бедная овечка, вся в вашей власти», который подавала Жанна, когда видела «перспективного» мужчину. Уж Аврора-то знала, что она за овечка!

Аврора любила джинсы, майки, кожаные пиджаки и туфли на низком каблуке – вполне сексуально, но в то же время не п*!*о*!*шло. В рюшах, шифоне и на шпильках она казалась бы себе пародией на сестру, а этого допустить никак нельзя. Так что трикотажная маечка с розой из бисера и блесок – тот самый компромисс между выходным нарядом и чистой совестью. Естественно, дома выяснилось, что нормальных колготок тоже нет – зима, время брюк и теплых носков, так что пришлось бежать в магазин за колготками. Когда наконец костюм был укомплектован, Аврора с тяжелым вздохом взялась за фен и нехотя, предрекая себе страшные муки, начала укладывать голову. Спустя минут сорок, вспотев, изведя пять сигарет – почти все истлели в пепельнице, пока Аврора боролась с расческой, она надушилась, оделась и пришла к выводу, что выглядит умопомрачительно. Даже мама должна быть довольна. Не придраться.

Накинув дубленку – щедрый подарок отчима на Новый год, Аврора спустилась на улицу и с подозрением осмотрела свою старую, бывалую «Ауди». Машина была настолько грязной, что разглядеть красный цвет под слоем неизвестно чего не удавалось. Машинка и так-то не новая – сильно не новая! – а в таком виде ее легко перепутать либо с собачьей будкой, либо с мусорным баком. А у всех родственников и их знакомых, вспомнилось Авроре, автомобили почему-то невыносимо чистые – даже в самое ненастье. Может, они их моют по два раза в день?

Аврора честно попыталась прорваться на мойку – чтобы не позорить семью. Но вчера было тепло и мокро, а сегодня подморозило, и все умники отправились намывать автомобили, так что Аврора, с тоской глянув на очереди, не выдержала и поехала на дачу как бог послал.

К счастью, парковка на участке была уже переполнена, и Аврора оставила машину рядом с соседним домом – спрятала ее за «Газель», которая возила на стройку кирпичи. Затем прошла к дому по идеально чистой дорожке и потянула на себя массивную деревянную входную дверь. – Дорогая! – Мама распахнула объятия, взмахнув пустым стаканом от вина.

Жанна осмотрела дубленку и, поджав губы, отвела глаза – увы, придраться было не к чему. «Какого черта она так ко мне относится?!» – вспыхнула Аврора.

Конечно, она прекрасно помнила, как лупила Жанну по голове новой куклой Барби – такой супер-Барби, принцессой в рост трехлетнего ребенка, которую купили Жанне. А ей, Авроре, подарили тогда игру «Эрудит», которая сейчас называется «Скрабл». Но и Жанна вечно ныла, жаловалась и воровала у нее, Авроры, сладости, которая Аврора под влиянием

каких-то загадочных детских соображений не ела, а прятала в тумбочку. Но это же так обычно – все сестры в детстве собачатся...

Первый настоящий профессиональный удар от сестры Аврора получила, когда Жанна вдруг отбила у нее мальчика из 11-го «А». И вся школа наблюдала, как восьмиклассница ходит с самым модным парнем в школе, а ее старшая сестра рыдает в туалете.

Это было... В общем, понятно. А дальше так просто... чудесно.

До сих пор Авроре иногда хотелось повторить замечательный опыт с погружением головы Жанны в унитаз. Тогда была такая драка, на которую Аврора, как она думала, не способна. Для разминки она голыми руками изорвала прямо на сестре ее лучшее платье, потом чуть не выкинула ту из окна, но ограничилась тасканием за волосы, и завершилось выяснение их отношений восхитительным, прямо-таки голливудским окунанием головы счастливой соперницы в нежно-голубую ароматизированную туалетную воду. Одновременно Аврора сломала Жанне нос. Нечаянно. Конечно, она кричала, что Жанна сломала ей жизнь, но, по мнению родителей, нос был намного ценней жизни. Жанну отправили загорать на Мальту – драка случилась перед каникулами, а Аврору оставили в Москве – все лето она должна была мыть посуду, пылесосить, стирать... в общем, быть домработницей. И Жанне радость, и родителям выгода. Аврора понимала, что ломать сестре нос, пусть и случайно, очень, очень плохо... Но ведь сестра не должна отбивать у сестры молодого человека? Вроде так?

Аврора пыталась поговорить с мамой о том, что ее волновало, но та решительно заявила, что эта тема не обсуждается. Обидно. Тем более Жанна всем рассказывала, что молодой человек вообще не хотел с Авророй встречаться – якобы он использовал ее, чтобы познакомиться с ней, Жанной. И если до того Аврора пусть с трудом, но терпела и обиды, и несправедливости, и явное предпочтение, которая мама оказывала Жанне, то после того лета она сорвалась. Кожаная косуха, выбритые виски, сто сережек в ухе, сигареты, жаргон, мальчики на байках, которые, слава богу, таких, как Жанна, просто не замечали... Аврора зависала в «Секстоне», до тошноты упивалась пивом и была счастлива, так как нашла друзей, которые считали людей вроде ее мамы этикими инопланетянами – с тремя ногами и огромной лысой головой. Когда Аврора продала кольцо с бриллиантом и купила мотороллер, ее выгнали к бабушке, которой было все равно, что перегораживает коридор – хоть трактор. Потом бабушка заболела, Аврора поступила в институт, и маме пришлось принять дочь обратно, но это не исключало бесконечных стычек и даже скандалов из-за того, что Аврора курит у себя в комнате, и бешенства Жанны, когда сестра врубала «Дорз» или «Нирвану». Конечно, ведь Жанночка слушала только Кайли Миноуг, Элтона Джона и Рика Эстли...

Аврора очнулась и вынырнула из воспоминаний.

Мама остолбенела, увидев наряд от «Персонаж».

– Ты не могла одеться понаряднее. Я же просила... – прошипела она Авроре в ухо.

Аврора, хоть и привыкла держать удар, все-таки расстроилась.

– Мам, в моем понимании, это и есть понаряднее! – отрезала она.

– Ка-акая ми-иленькая маечка... – протянула Жанна. – В «Рамсторе» купила?

И тут Аврора поняла, что была полностью права, когда ломала ей нос.

Однажды родители послали их в магазин, и Аврора попыталась купить там ночную рубашку – клевою серую трикотажную ночнушку на бретельках с ярко-розовым принтом. Но что было с Жанной! Она час не могла успокоиться: не могла же она позволить, чтобы ее наивная сестра покупала всякую дрянь на развалах в супермаркете! Всю дорогу она учила Аврору тому, что нижнее белье даже более важно, чем туфли и сумка, и довела Аврору до шокирующего признания, что та спит в майках, которые раздают на презентациях: с логотипом радио «Максимум» или «Майкрософт». После этого Жанна долго молчала, а потом стала перечислять марки, которые делают «недорогое» белье – не дороже трехсот долларов...

– Нет, в «Ашане», – ответила Аврора и душевно улыбнулась сестре. – Черт! – Она хлопнула себя по лбу. – Туфли забыла!

Мама закатила глаза. Жанна усмехнулась.

– Жан, дай мне какие-нибудь туфли, – попросила Аврора.

Мама пристально посмотрела на Жанну. Та пожала плечами и ушла минут на десять, а вернулась с парой ярко-синих босоножек... Аврора даже смутно припомнила, что последний раз видела эти туфли на Жанне году эдак в девяносто пятом – Чарльз Джордан, черная танкетка, васильковая кожа... Даже матушка уставилась на босоножки с некоторым недоумением.

– Ты их что, коллекционируешь? – удивилась Аврора.

– Да, – Жанна поставила туфли на столик. – Лет через пять они, может, снова войдут в моду.

Аврора посмотрела на туфли. На Жанну. На гостей, которые толпились в гостиной. На фотографов – не из «Харперз Базара», но, кажется, из «Коммерсанта» и «Буржуазного журнала».

– Круто! – сообщила она, села в кресло и послушно принялась надевать босоножки.

– Но они же сюда не вписываются! – не сдержалась мама. – К тому же из них колготы торчат!

– Ты знаешь, я никому не даю свою обувь! – зашипела Жанна. – Это очень интимно! Как трусы!

– Конечно! – кивнула Аврора. – Я тебя понимаю. Я ведь заразная, и у меня ноги пахнут. Кто, как не родная сестра, притащит в дом инфекцию и сломает каблук?

– Жанна, дай Авроре нормальную обувь, – распорядилась мамаша.

Жанна открыла рот и всплеснула руками:

– Но...

– Ты меня не поняла?

Жанна послушалась и выдала Авроре хорошенькие туфли из блестящей темно-лиловой кожи – под цвет узоров на юбке.

– Можешь оставить их себе, – бросила она через плечо.

Аврора вошла в гостиную и обомлела. Там были все. Редакторы газет и модных журналов. Актеры. Певцы. Митрофанов. Куда ж без него? Еще какие-то депутаты. Писатели. Бизнесмены всех сортов. Даже несколько известных радиоведущих, которых Аврора по работе встречала, но в лучшем случае говорила им «здрассте», а те кивали и отворачивались.

Жанна уже успела прилипнуть к симпатичному мужчине в очках, который прославился тем, что по очереди встречался с первыми красавицами Москвы. Аврора взяла себя в руки и с самой открытой и дружелюбной улыбкой подошла к Наташе Шаровой, ведущей новостной передачи у них на радио. Наташа сделала большие глаза и воскликнула:

– О! А ты что здесь делаешь?

Аврора в очередной раз напомнила себе, что у нее большое самолюбие и низкая самооценка, а в самом вопросе нет ничего обидного и недостойного. Ну, правда, что она, какой-то там нечестолюбивый координатор, здесь делает? А может, Наташе в гостях у Степана не очень-то нравилось и она хотела таким образом показать, что... Но Наташа оживленно беседовала с Пригожиным, уплетала фантастические теплые роллы в кляре и выглядела очень даже довольной.

– Я здесь живу, – ответила Аврора.

Да, она наврала. Она здесь не жила, только иногда приезжала на выходные, несмотря на маму и на Жанну – уж больно здесь, на природе, хорошо.

– То есть? – Наташа не очень красиво открыла рот, в котором лежала целая креветка.

Наташа была хорошей девушкой. Она работала на радио много лет – с основания, достигла больших высот, была «лицом» станции. Ей очень много платили, а ее положение было

незыблемо. Она была профи и много работала, она заслужила. Но это уж была такая профессиональная светская манера – немного ехидничать, знать свое место, не позволять кому попало лезть к тебе в друзья и несколько пренебрежительно относиться к тем, кто не был профи, кто не так много работал и не заслужил.

– Наташ, это дом моих родителей, – немного лениво, тоже манерно и вполне высокомерно пояснила Аврора.

– А... – замялась Наташа. – Степан Аркадьевич – твой папа?

– Отчим, – уточнила Аврора.

– Ха! – совершенно по-человечески удивилась Наташа. – Жанка ни разу не говорила, что вы сестры. Нормально?

– Она знает, что я ее стесняюсь, – усмехнулась Аврора. – Не хочет ставить меня в неловкое положение.

Наташа сдвинула брови, заглянула Авроре в глаза и расхохоталась.

– Да уж! – подтвердила она. – Жанна такая деликатная...

– Вы обо мне сплетничаете? – мило-мило проговорила Жанна, обнимая Пригожина.

– Конечно! – кивнула Наташа. – Обсуждаем, что ты сильно потолстела за последнее время.

Да. Иногда Наташа могла быть очень даже ничего. Отчего-то она считала, что Жанна тоже «не заслужила» – при том что Жанну узнавали на всех бензоколонках.

– Э-э... – растерялась Жанна, которая не решалась откровенно схлестнуться с ведущей. Все-таки та была серьезным авторитетом в музыкальном бизнесе.

– Шутка! – Наташа хлопнула ее по плечу. – Ты почему не говорила, что я работаю с твоей сестрой?

Жанна пожала плечами.

– Ну, к слову не приходилось, – не очень умело выкрутилась она.

– Ясно, – произнесла Наташа. – Жанк, будь другом, принеси мне шампанского. Ты знаешь, где здесь все находится, а я чего-то потерялась в пространстве...

Жанна вырвала у Наташи фужер и ушла – в противоположную от стола с напитками сторону.

– Она не вернется, – с печалью в голосе сообщила Аврора.

– Какое горе... – Наташа всхлипнула.

Но тут подошел Володя из «УмыТурман» и увлек Наташу на диван. Пригожин хмыкнул и переместился к знакомым, и Аврора снова осталась одна – правда, в приподнятом настроении. Если бы на ее месте была Жанна, она бы или за Володей с Наташей увязалась, или с Пригожиным разговорилась – Жанна могла бы, не испытывая затруднений, хоть с самим президентом на брудершафт выпить. Но Аврора, то ли к счастью, то ли к сожалению, не была похожа на сестру – поэтому она подошла к столу с закусками, положила на тарелку разных вкусовностей и устроилась за маленьким столиком у окна.

Через несколько минут рядом с ней пристроился приятный молодой человек в потрясающем черном костюме. Аврора не очень любила костюмы и особенно мужчин в костюмах, но трудно не признать, что ее нового соседа костюм украшал. И галстук, и рубашка были подобраны с таким вкусом, что Аврора даже причмокнула от удовольствия – к тому же сосед смотрел на нее с надеждой. Она улыбнулась. «Пусть меня любят такой, какая я есть», – произнесла про себя Аврора и хихикнула: докатилась, вся ее жизнь состоит из жизнеутверждающих лозунгов, прямо как у Дейла Карнеги. Надо еще выписать цитаты из классиков и расклеить их по дому, и тогда все, ку-ку – одичавшая старая дева и пять ее кошек...

Молодой человек растерянно улыбнулся.

– Извините, – Аврора положила руку на сердце. – Я просто вспомнила одну смешную вещь...

– Какую? – оживился тот.

– Ну... – Аврора смутилась. – Вы знаете, – решила она, – вообще-то это дом моих родителей, но я ни с кем из приглашенных лично не знакома, так что я собиралась скромно посидеть в углу и хотя бы вкусно поесть, если уж не суждено блеснуть в свете... – Аврора поняла, что ее несет, но не стала останавливаться: в конце концов, и правда «любите меня такой, какая есть». – И когда вы сели рядом, я вспомнила одну фразу, которую повторяю, когда собираюсь с кем-то познакомиться, и поняла, что похожа на безумных адептов Дейла Карнеги. Помните, как все себя вели, когда прочитали его книги?

Молодой человек рассмеялся.

– Да-да! – подтвердил он. – У меня даже в шкафу, с внутренней стороны дверцы висели всякие цитаты, но я вечно просыпал занятия и никак не мог их прочитать... А вы – Жанна?

Авроре стало очень приятно (и неприятно одновременно за собственное злорадство) – надо же, кто-то не знает Жанну в лицо!

– Нет, я Аврора, – сообщила она. – Степан – мой отчим.

Молодой человек кивнул и представился:

– А меня зовут Саша.

– Ну, как успехи? – Степан возник ниоткуда.

Аврора бросилась его поздравлять – она как-то совсем позабыла, ради чего собрались гости, и попыталась загладить вину с помощью бурных излияний.

– Ада тебя не пришибла за эту майку? – поинтересовался Степан, с ног до головы оглядев Аврору. В их семье у женщин были экзотические имена: Аврора, Аделаида... – Моя супруга считает, что майки существуют только для спортзала, – пояснил Степан Саше.

«Супруга! – возмутилась Аврора. – Не мог сказать проще – жена!»

В слове «супруга» было нечто отвратительное: ни страсти, ни нежности, ни романтики – сплошной супружеский долг, чопорность и отдельные спальни... Супруги бывают у президентов, политиков, общественных деятелей, а у нормальных людей – жены, девушки и герлфренд.

– А туфли тебе Жанка, что ли, дала? – продолжал в том же духе Степан.

Черт! Аврора с трудом удержалась, чтобы не заткнуть ему рот яблоком или грушей. Ну, куда его понесло? Почему всегда надо... вот так? Какое кому дело, чьи на ней туфли? И что, он помнит все туфли Жанны? А ведь большая часть сестринского гардероба – на проспекте Мира. Хотя Степан странный тип – проверяя счета по кредитке, он умудряется отметить любую мелочь, вплоть до пачки ирисок.

– Жанна дала, – подтвердила Аврора. – Я забыла взять сменку.

Степан обнял ее и повернулся к Саше.

– Аврора у нас девушка серьезная, – заявил он. – Координатор! Очень важная должность.

Саша слегка нахмурился:

– А что делает... координатор?

– Координирует! – воскликнул Степан и расхохотался.

Аврора готова была провалиться сквозь землю. Ну, право, что за театр абсурда? Что за бред вообще? Она принялась объяснять, кто такой координатор, но ее перебила сестра.

– Здравствуй! – обворожительно улыбнулась она, подходя к ним. – Я Жанна.

Саша выкинул вперед руку с указательным пальцем:

– Я видел вас по телевизору!

– Меня и сейчас по телевизору показывают. – Жанна смотрела на него так, словно всю жизнь мечтала именно об этом Александре. – Пойдемте, покажу.

И, схватив Сашу за руку, поволокла его куда-то в глубь комнаты, и он даже не обернулся, чтобы хоть взглядом извиниться перед Авророй.

– Не повезло тебе, – подытожил Степан. – Выпьем?

– Пойдем, – согласилась Аврора.

Обижаться было бессмысленно – можно было только налить себе виски, расслабиться и смириться с тем, что родственников не выбирают.

Глава 3

– А ты у нас, оказывается, богатая наследница?! – Гера упер руки в боки и принял вид оскорбленной добродетели.

Артема Герасимова, диджея и начальника информационного отдела «М-радио» в миру называли Герой, поскольку его бесило, слишком мужественное, как он считал, имя Артем.

– Артем! – восклицал Гера. – Бр-р! В этом имени есть что-то от доменной печи! Артемы сначала заправляют свитер в брюки, а потом носят костюмы от «Босс» и душатся «Давидофф Кул Уотер». Фу!

Никто так и не понял, почему Герасимов так не любит свое родное имя, но так как он был толстый, избалованный, знаменитый и капризный гомосексуалист, то Артемом Владимировичем его называли исключительно в бухгалтерии – во время выдачи зарплаты и премий, а все остальные полагали, что Гера и правда идет ему больше.

Аврора закатила глаза – она рассчитывала, что достаточно будет хоть как-то отреагировать на замечание Геры, чтобы тот успокоился и отстал от нее.

– Ну, нет! – Гера подошел к ее столу и устроился в кресле. В ее кресле. – Давай выкладывай, Кристина Онассис, где ты прячешь бриллианты с перепелиное яйцо...

– Кто о чем, а у Геры любой разговор переходит к яйцам! – сострил корреспондент Зорькин, который сам был не пойми какой ориентации. То ли он педик, то ли прикидывается ради дешевой популярности, то ли вообще сексом не занимается. Во всяком случае, его не могли уличить в связях ни с девочками, ни с мальчиками, что давало множество поводов отвлечься от работы и продемонстрировать остроумие...

Вот Гера, тот не скрывал своей принадлежности к секс-меньшинствам, и поэтому все коллеги считали своим прямым долгом хоть раз в день да подколоть его на эту тему: девочки обсуждали с ним новый цвет волос Марии Мироновой, а мальчики строили ему глазки. И то, и другое считалось чем-то вроде комплимента пожилой, но все еще блистательной и влиятельной примадонне, которой любой мечтает засвидетельствовать почтение: авось запомнит, авось благодетельствует...

– Ты опять, Зорькин, перепутал божий дар с яичницей! – Гера задрал нос и посмотрел на Зорькина сверху вниз.

– Вот видишь, – простонал Зорькин, – теперь яичница... Да ты маньяк! Я ведь давно говорю – тебе бы к доктору, а то все эти оговорки по Фрейду...

– Яйца курицу не учат! – рявкнул Гера, но тут уже все заржали в голос. – Вы чего? – обиделся он. – Ну, сука, я тебе отомщу! Ща поедешь в Коломну на праздник меда...

– Что-о? – взвился Зорькин.

– Что, блин, слышал! И не на служебной машине, а на электричке!

– Да пошел ты! – Корреспондент швырнул в ведущего маленький пластмассовый глобус, но попал, разумеется, в Аврору.

– Не смей обижать Кристину! – завопил Гера, прижав девушку к груди.

– Гер, ты чего? Забыл, как меня зовут? – удивилась Аврора.

– Я имел в виду Онассис, – пояснил Герасимов. – Ты ведь у нас тайная миллионерша.

– Ой... – отмахнулась Аврора, – ты вообще о чем?

– Мне Наташа все рассказала! – пританцовывая, Гера переместился к своему столу, на котором разрывался телефон. – Аллё! Да... – Гера помрачнел. – Да. Хорошо. Ладно. Приду через десять минут. Зорькин, пока меня не будет, не смей приглашать Аврору в кино. Она моя! Это мои миллионы, особняки и золотые кредитные карты! А ты со своим астраханским рылом не суйся в ряды нашей московской финансовой элиты!

Послав Авроре воздушный поцелуй, Гера удалился. Зорькин пожал плечами. Аврора вернулась на место в удивительно хорошем настроении и даже честно приступила к сочинительству новых тем для стрит-толков. В такие дни она любила свою работу. С одной стороны, она административный работник, что открывает возможности карьерного роста, но при этом делает репортажи, придумывает темы для передач, время от времени вместе с Герасимовым пишет сценарии для всякого рода вечеринок, что дает надежду на то, что когда-нибудь у нее будет своя программа.

Все прекрасно.

Но когда часа через полтора в комнату ворвался Артем, Аврора поняла – на кого бы он сейчас ни набросился, идиллия кончилась. Набросился он на нее.

– Пойдем выйдем, – изо всех сил делая вид, что ничего такого не происходит, обратился к ней Гера.

Герасимов отличался скачками настроения: то он был обаятельный, милый, неотразимый, а через секунду превращался в невменяемого психопата, который орал, топал ногами, никого не слушал и готов был отречься от собственной матери, если ему казалось, что она против него.

Гера затащил Аврору на площадку между вторым и третьим этажом – там почему-то никто никогда не курил и не общался, – прижал к стенке и, фыркая слюной, потребовал объяснений:

– Ты кому настучала, что мы общаемся с Волковым?

Аврора, не веря своим ушам, уставилась на Герасимова. Вот за что она терпеть не могла свою работу! Настоящий гадюшник!

Давным-давно, когда Аврора только устроилась на работу, Волков был очень популярным диджеем, но потом, когда «М-радио» захлестнули интриги, когда всем урезали в два раза зарплату и уволили каждого третьего, он ушел, соблазнившись предложением от новой станции. За это его почему-то дружно возненавидел весь коллектив «М-радио» – так, как может ненавидеть бывшего мужа жена, от которой тот ушел к женщине в два раза моложе ее. Но Авроре Волков сразу понравился, и она с ним время от времени общалась – выпивали раз в квартал, болтали, если встречались в клубах...

Гера с Волковым тоже дружил. Волков теперь работал промоутером, и время от времени Артем получал от него некоторые суммы за репортаж с «модного показа, который из года в год проходит под патронатом такого-то „мыла“. Так как деньги проходили мимо казны „М-радио“, то приходилось делиться либо с программным директором, либо с генеральным – в зависимости от суммы, но делиться хотелось не всегда, тем более Герасимову, который любил дорогих мальчиков, и, видимо, вот прямо сейчас его в чем-то уличили, и злость свою он теперь срывает на Авроре. Аврора это ненавидела. Все знали, что она такая честная дура, которой в голову не придет обманывать начальство, а уж тем более скрывать что-либо от Геры, так как и честная-пречестная Аврора, и другие, не такие порядочные сотрудники, знали – у Геры нюх на деньги. То, что кто-то „мимо него“ зарабатывает, он учует за версту – и месть его будет страшна. Поэтому Аврора честно работала за одну зарплату – тем более что, будучи координатором, „спилить“ денег за рекламу просто нет возможности.

– Гера, прекрати истерику! – Аврора попыталась отпихнуть начальника.

– Да ты, блин, стукачка... ты, блин, все вертишься, такую из себя строишь... да какого хрена... – продолжал шипеть Гера.

И Аврора с ужасом понимала – он это все серьезно. Совершенно серьезно! Да, он на полном серьезе упрекает ее в каких-то немыслимых, идиотских, совершенно невозможных интригах. И упрекает не в шутку, а честно верит в то, что говорит.

– Пошел к черту, Гера! – Аврора все-таки оттолкнула его. – Пошел к черту! Я не могу слушать этот долбаный бред!

– Ты уволена! – крикнул Гера.

– И прекрасно! – взорвалась она. – Спасибо, что помог сделать последний шаг!

Конечно, он ее так вот запросто не уволит. Ведь надо все оформить, найти идиотку, которая согласится работать за мизерную плату, научить ее «писать под Герасимова», и так далее. Но... Может, это хорошая идея?

– Ты рассказала ему про Волкова? – Гера все еще носился вокруг.

– Гера, ты смешон! – процедила сквозь зубы Аврора.

Все дело в том, что не будь Аврора Авророй, а будь она какой-нибудь Ритой, Аленой или даже Наташей, то есть милой честолюбивой девочкой, которая наконец-то оставила работу на кабельном ТВ Восточного, допустим, округа и перебралась на «настоящее» радио, она могла бы, будто нечаянно, упомянуть при программном директоре, что вот недавно встретила Волкова... Мол, совсем он, бедняга, замучился со своими «мыльными» показами и снова начал пить... И буквально на днях так надрался с Герой, что Гера весь следующий день говорил нечеловеческим голосом... В общем, честолюбивая бы девочка стала ценным доносчиком в надежде, что ее заметят, наградят и так далее. Ну так ведь то девочка...

– Знаешь, мне надо ехать, – сообщила Аврора.

– Куда это? – насторожился Гера.

– На презентацию Валерии, – отрезала Аврора.

Валерию на радио уважали и всегда сообщали о том, как прошла вечеринка в честь ее нового диска – совершенно бесплатно, в отличие от многих других исполнителей.

– Можешь корреспондента послать, – предложил Гера.

– Меня позавчера Пригожин пригласил, – мстительно соврала Аврора. – Он хороший друг отчима, так что отказаться неудобно.

– Ладно... – не без уважения согласился Гера. – Если увидишь Волкова, не подходи к нему! Ты с ним не дружишь! Не говори с ним обо мне!

Аврора схватила пальто, шапку и шарф, взвалила на плечо здоровенную сумку, набитую непонятно чем: документы, диктофон, фотоаппарат, майка с логотипом «Мерседес» и такая же бейсболка (остались после презентации месячной давности), две книги – «Самая шикарная свадьба» Богдановой и «Империя Ангелов» Вербера и прочая ерунда. Сумка была старая, коричневая, «самсонит», и Аврора любила ее за универсальность: можно вытащить все барахло, оставить только книжку да диктофон и пойти на работу. А если понадобится запихнуть по дороге домой пару бутылок йогурта и пачку макарон – пожалуйста, в тесноте, да не в обиде... Выглядит, конечно, не очень женственно, но это Аврору как-то не волновало, она считала, что можно быть сексапильной и без всяких дурацких ухищрений вроде безумно дорогих сумок из крокодила с массивной фурнитурой «под золото».

В туалете она швырнула пальто рядом с раковиной, распустила волосы, начесала у корней – прическа а-ля Кейт Мосс, припудрила т-зону лица, собралась было накрасить ресницы, но поленилась: это же такая возня – мазать основой, потом удалять комки туши, расчесывать... В конце концов, ресницы и так черные, зачем их еще дополнительно красить? Иногда Авроре казалось, что у нее отсутствуют то ли какие-то женские гены, то ли гормоны – все досталось Жанне, ха-ха! Она не понимала столько вещей: зачем, например, нужны румяна, если у всех так или иначе – от вина, от мороза, от солнца, от духоты – розовеют щеки; зачем нужно иметь двадцать блесков для губ, если они все примерно одного цвета; почему кружевное белье за двести долларов лучше трикотажного за пятьдесят, если его все равно снимаешь, а потом находишь под кроватью – в пыли, если не в пепельнице, набитой окурками; почему женщины носят декольте, в то время как мужчина в штанах в обликку выглядит идиотом? Не то чтобы Аврора была феминисткой – нет, она никому ничего не доказывала, просто некоторые вещи казались ей совершенно необъяснимыми и, если честно, довольно глупыми.

Она подвела губы розовым блеском, обрызгалась парфюмом «Лето» от «Кензо», одернула простую белую футболку, подтянула джинсы. О, это были роскошные джинсы от «Келвин Кляйн», на которые Аврора не пожалела кучу денег! Вот такие вещи она любила – простые, но, если приглядеться, просто восхитительные. Прямые, темно-синие, какого-то невероятного кроя – фигура в них совершенная, идеальная. Чем она хуже Анжелины Джоли в лучшие ее, Джоли, годы?

Как ни странно, но гости на представление нового диска Валерии приехали вовремя. У входа собралась небольшая толпа, но скоро Аврора зашла внутрь, сдала пальто в гардероб и прошла в полумрак клуба. Со своей большущей сумкой на плече девушка смотрелась довольно странно, но, с другой стороны, здесь были фотографии, обвешанные такими здоровенными кофрами, что по сравнению с ними ее «самсонит» выглядел как ридикюль. У Авроры засосало под ложечкой. Это было чувство из детства: когда в школе случались экскурсии, например «по пушкинским местам», Аврора пребывала в эйфории – вроде и учеба, но в то же время никаких уроков, никаких контрольных, пыльных классов с грязной от мела доской и «помой тряпку, ты сегодня что-то очень активная», никаких оценок и замечаний! И тут, на презентации, Аврора вроде как выполняет служебный долг – завтра можно будет даже опоздать на работу, а на самом деле весело проводит время. Вот сейчас пойдет и с кем-нибудь познакомится. Почему-то это входило в правила игры: все знали, что на таких вечеринках никто не бросается на знаменитостей с диктофоном наперевес, не прислушивается к каждой песне и не рвется за кулисы, чтобы спросить у звезды, сколько она заплатила такому-то за стихи и музыку... Но все – от генерального директора до корреспондента-стажера – делали вид, что подобные тусовки – важный рабочий момент, несмотря на то, что единственное, что можно было на них заработать, это похмелье.

Аврора прорвалась к бару, опустила сумку на стул и попросила «Манхэттен». Из толпы вынырнул Пригожин, узнал, притянул, чмокнул куда-то в висок, что-то пробормотал и опять растворился толпе.

Аврора потянулась за коктейлем и нечаянно заехала кому-то локтем по ребрам.

– Ой! – воскликнула она. – Простите!

И быстро выпила половину коктейля. Потому что жертвой оказался... Она давно не видела вблизи таких... симпатичных мужчин. Или, точнее, молодых людей. И не то чтобы он был что-то совершенно особенное, но... Фигура – да. Фигура такая, что на голову можно вообще не обращать внимания. Аврора даже обрадовалась, что недавно понервничала и сбросила пару кило, которые все отчего-то собрались на животе.

И еще кое-что в этом молодом человеке довело Аврору до экстаза: у него была светлая кожа и темные волосы. Как у Роберта Де Ниро в лучшие годы, в «Таксисте», например. Аврора называла таких «городской мачо»: крепкий, немного брутальный, темпераментный, но уже изнеженный цивилизацией, даже немного испорченный техническим прогрессом... И он был красив. Притом не подиумной, рекламной красотой. В его внешности была какая-то непонятная смесь из примет такой здоровой природной красоты (из серии «первый парень на деревне») с утонченными, если не сказать, изможденными аристократическими чертами.

В общем, Аврора, что называется, пускала слюни и хлопала глазами, а он тоже не без интереса смотрел на нее и ухмылялся.

– Что пьете? – поинтересовался он наконец.

Начало не то чтобы, но все-таки начало. Он с ней заговорил!

– «Манхэттен», – ответила Аврора. – Ром, вермут и... какой-то ликер, забыла какой.

– Отлично! – Молодой человек махнул бармену: – Двойной «Манхэттен!» Хотите креветок? – обратился он к Авроре.

– Каких? – растерялась та.

– Жареных, – ответил тот. – Здесь есть потрясающие жареные тигровые креветки.

– Буду! – кивнула Аврора. Она готова была съесть жареных гусениц, лишь бы завязать знакомство с этим красавчиком.

Хотя насчет гусениц, пожалуй, перебор. Вот совсем недавно ей снился актер Алексей Серебряков (сон был такой дивный, томный, с намеками, что поутру Авроре даже неловко стало, вроде Серебряков – женатый человек), и сидели они с ним где-то на природе, и все было чудно, а потом он вдруг взял и съел гусеницу. Причем знал, гад, что гусениц Аврора не то чтобы на вкус, но и просто на вид не переносит. Вот и верь после этого людям... Даже во сне...

Красавец мужчина отхлебнул коктейль, улыбнулся и исчез в толпе. Вернулся быстро – с двумя тарелками ароматных креветок.

– Приятного аппетита, – пожелал он.

– А как вас зовут? – поинтересовалась Аврора, которая быстро-быстро допила первый коктейль – для храбрости – и уже держала в руках новый.

– Тимур, – сообщил он. – Или Тима.

– Вы татарин? – спросила Аврора, не очень ясно понимая, вежливо ли это – через секунду после знакомства интересоваться национальностью. Но коктейль дал по мозгам, и она уже не очень умело себя контролировала. «Надо поесть», – решила Аврора и набросилась на креветки.

– Нет, – покачал головой новый знакомый. – Просто моя мама – поклонница Гайдара.

– Всех Гайдаров или только писателя? – уточнила Аврора.

– Только писателя, – улыбнулся он.

– Я в детстве очень любила «Синюю чашку»... – Аврора наморщила лоб. – Или рассказ называется «Разбитая чашка»? В общем, не помню уже о чем там речь, вроде девочка какая-то, и папа... Но до сих пор люблю.

Тимур уставился на нее и расхохотался.

– Вам бы рецензии писать! – заявил он. – В «Афише» примерно такой стиль.

– Да, я тоже по «Афише» ориентируюсь. Только наоборот – в тех местах, где понятно, о чем речь, – согласилась Аврора. – Хотя иногда «наоборот» не работает...

– Ты ешь... – Тимур неожиданно перешел на «ты» и придвинул поближе к Авроре тарелку с креветками. – Можно на «ты»?

– Можно...

Некоторое время они жевали. С последней съеденной креветкой, слава богу, шум в голове у Авроры прошел.

– Тимур, а ты чем занимаешься? – полюбопытствовала она.

– Ничем... – пожал тот плечами. – Живу в свое удовольствие.

– Как «ничем»? – опешила Аврора.

– У тебя такой вид, будто я предложил тебе ширнуться героином и принять участие в групповухе... – рассмеялся он.

– Хм, в общем-то, я не против групповухи, но вот героин – это точно лишнее... – пробормотала Аврора.

– Я промоутер этого клуба и диджей, – сообщил Тимур. – У меня команда девушек диджеев, которые крутят пластинками и лифчиками. Такое шоу.

– А! – Аврора что-то смутно припомнила. Воспоминания были приятными: о Тимуре, кажется, писали журналы, мол, на его вечеринки не пробиться, и вообще он модная персона и светский персонаж. – Да-да...

– А ты работаешь на «М-радио», да? – спросил Тимур.

Как всегда, скромной Авроре показалось, что Тимур не просто так свел с ней знакомство – ему от нее что-то надо, как от сотрудника Герасимова. Так иногда уже бывало, что очень ее расстраивало. Но на сей раз Аврора запихнула свою мнительность куда подальше и заставила себя мыслить позитивно: вот и прекрасно, что ее знают посторонние знаменитые и красивые молодые люди!

– Да, я это... личная рабыня Герасимова, – сообщила она.

– Ха-ха! – развеселился тот. – А что, Артем – деспот?

– Тиран, – подтвердила Аврора.

Из ниоткуда возник Пригожин.

– Пойдем, возьмешь у Леры интервью, – потянул он за собой Аврору.

Девушка подхватила огромную сумку, в которой лежал крошечный цифровой диктофон, на ходу попросила Тимура никому не отдавать ее коктейль, и устремилась за продюсером.

Во время интервью она едва удержалась, чтобы не треснуть ни в чем не повинную певицу сумкой по голове, и пару раз почти уже было заорала: «Ну, сколько можно переливать из пустого в порожнее! Заткнись!» А все потому, что где-то там, со стойки бара, наверное, уже давно убрали ее «Манхэттен» и ушел ее «городской мачо»...

Но как ни странно, на месте были и коктейль, и «мачо». Последний так и сидел на том же месте и говорил с какой-то девицей, которая очень сильно напомнила Авроре ее родную сестрицу. Не то чтобы они были похожи внешне или одеты в одном стиле... Просто и та, и другая были... шикарные. Эта шатенка была покрашена так тщательно, словно ей предстояло сниматься для обложки «Вог» – тон, стрелки, помада... Черные кожаные брюки – высший класс, офигенная прозрачная черная рубашка с вышивкой – тигр на всю спину... Ну, и драгоценности. Сумка и ботинки – самый что ни на есть крокодил. Причем сумка – темно-красная, под цвет помады. «Шалава», – подумала Аврора и решительно направилась к своему коктейлю.

– Я честно охранял! – отчитался Тимур, протягивая Авроре стакан. – А это Даша, познакомься. У нее салон SPA и салон красоты. Я уже почти выторговал скидку – и ты не представляешь, каких унижений мне это стоило!

Даша улыбнулась – одними губами, обнажив белые зубы и какие-то почти вампирские клыки.

– Привет, Аврора, – произнесла она с каким-то непонятным торжеством в голосе.

– Привет, Даша, – с легким удивлением глядя на странную Дашу, ответила Аврора.

– Мы тут говорили о том, стоит ли мужчинам носить юбки и краситься, – сообщил Тимур. – А ты как считаешь?

– Думаю, стоит, – сказала Аврора. – Мужчины в килтах мне очень нравятся, правда, я не представляю, что они носят зимой. Неужто колготки?

– Ну, думаю, к этому можно привыкнуть, – сообщил Тимур. – Вот моя бабушка, например, до сих пор считает колготки уродством. И брюки на женщине, кстати, тоже. Она считает, что женщина в брюках просто издевается над собой.

– Ну, а косметика... – Аврора задумалась. – С одной стороны, да, непривычно, но ведь с точки зрения дикой природы, покрашенная женщина – это тоже кошмар. И потом, у многих мужчин такой цвет лица, что гуманно было бы пользоваться тональным кремом и корректором... Да, я за равноправие. А вы? – вежливо обратилась она к Даше.

– Никакого равенства! Женщины совершенно определенно обгоняют мужчин в развитии, так зачем же нам подтягивать их за собой?

– Э-э... – промямлила Аврора.

– Послушайте, среднестатистического мужчину совершенно невозможно затащить на маникюр! Так и пусть ходят с грязными ногтями, лично я не собираюсь никого переучивать. – И Даша уставилась на пальцы Тимура. Тот в ответ на ее взгляд поднял руку тыльной стороной вперед и продемонстрировал наманикюренные ногти. – А юбки идут тем, кто ноги бреет.

– Давно не встречала такого отчаянного феминизма. – Аврора развела руками.

– Феминистки, между прочим, лучше трахаются, – отрезала Даша.

– Ну, Аврора, тогда извини, при всей симпатии... – ухмыльнулся Тимур и приобнял Дашу.

А Даша приподняла бровь и с выражением посмотрела на Аврору.

«Это что, война?» – весело подумала Аврора, глядя на Дашу и Тимура, который уже отлип от девицы и заказывал три коктейля. Аврора недоумевала: что делать? Взять коктейль и отойти? Но вроде слишком демонстративно получится. На глазах у Тимура пикироваться с конкуренткой? Тоже нелепость какая-то... До чего это может дойти: они будут мериться объемом бюста, что ли?

– Где здесь туалет? – поинтересовалась она.

Тимур пояснил, и скоро Аврора оказалась в просторной чистой комнате, в которой пахло цветами. Она посмотрела на себя в зеркало. Н-да... Девочка из соседнего подъезда. Боевая подруга. По сравнению с Дашей... Да! Даша – секси! Даша – красotka! Куда уж нам...

– Что будем делать?

Аврора вздрогнула и обернулась. Даша подкралась незаметно – то ли Аврора так увлеклась своими мыслями, что не услышала шагов, то ли Даша изловчилась...

– В смысле? – переспросила Аврора.

Даша всплеснула руками.

– Я про нашего мальчика! – воскликнула она. – Как будем его делить – вдоль или поперек?

– Переговоры? – уточнила Аврора.

– Если ты не против, – ответила Даша, достала из ящика салфетки, вытерла стол около раковины и поставила на него сумку.

Аврора не без интереса заглянула внутрь: косметичка – ее Даша вытащила и поставила перед зеркалом, пухлая записная книжка – в обложке из золотистой кожи под крокодила, белый шелковый платок, кошелек, книга – «Любовь» Кати Метелицы и что-то с мехом, кажется, перчатки.

– Есть предложения? – поинтересовалась Даша, закуривая.

Аврора поразмыслила.

– Ну, я могу вызвать тебя на дуэль, – предложила она.

Даша икнула и расхохоталась.

– Групповой секс?

Аврора замахала руками.

– Орел и решка?

Даша закатила глаза.

– Слушай, а может, ну, его на фиг? – оживилась она. – Ты мне больше нравишься!

– В каком смысле? – строго спросила Аврора.

– В дружеском, – сделав большие глаза, ответила Даша. – Можем выпить, потанцевать, разбить кому-нибудь сердце... Так как я все равно не встречу сегодня мужчину всей своей жизни, то, может, не стоит и утруждаться!

Аврора в недоумении посмотрела на Дашу. Она шутит?

– А что, если я встречу... мужчину всей своей жизни?

Даша прищурилась.

– Нет! – покачала она головой. – Не сегодня.

Аврора закусила губу. Все это... необычно. Но... В том-то и дело, что необычно! Намного увлекательнее секса! В том смысле, что... познакомиться с шикарной сумасшедшей девицей – это одна история, и неизвестно, чем все это закончится, а вот что будет, если она увезет Тимура домой или он ее увезет домой, все мы знаем наперед с подробностями вплоть до шести часов утра...

– По «Манхэттену»? – перебила ее мысли Даша.

– Идет! – кивнула Аврора.

Глава 4

– Ай нид э хироу! – орала Даша, выкидывая вперед руки.

Ей вторил мобильный, включенный на полную громкость. Увлечшись, Даша выкинула вперед ногу, поскользнулась и рухнула в сугроб, который очень кстати накидали дворники.

– Я ангел, я ангел! – сменила тему Даша и замахала руками и ногами, чтобы оставить на снегу «крылья».

Аврора расхохоталась и тоже упала в снег, который сейчас, после стольких «Манхэттен» казался теплым и удобным.

– Ну мы и уделались... – сквозь смех простонала Аврора.

– Еще не... – Даша посмотрела на звезды. – Не утро!

Аврора тоже уставилась на небо – она себя чувствовала так, словно лежала в шезлонге где-нибудь на Карибах, а не валялась в не очень-то чистом сугробе, в мороз, во дворе дома между Мясницкой и Маросейкой.

Покинув туалетную комнату, они с Дашей некоторое время морочили Тимурю голову, намекая на секс троим. Молодой человек от счастья даже поглупел, что вызвало бурный спор на тему того, отчего мужчин так тянет заняться любовью с двумя девушками.

– Тимур, ну вот подумай, а если они увлекутся и выгонят тебя из кровати? – интересовалась Аврора.

– Ну... – усмехнулся Тимур. – Я просто буду смотреть...

– Просто смотреть ты можешь порнушку! – отрезала Даша.

– Ну, не знаю, может, я как-нибудь впишусь в их компанию... – кокетничал Тимур, который, судя по всему, уже прикидывал, хватит ли у него презервативов.

– Мне вообще кажется, что тут не в кайфе дело! – перебила всех Аврора, которой вдруг показалось, что она открыла нечто гениальное. – Просто в мужчине говорит инстинкт... ну, как инстинкт охотника... А если честно, то зачем охотиться на уток, если курицу можно купить? И уж тем более – зачем убивать несъедобного медведя? Так вот вопрос... – После очередного коктейля Аврора немного путалась в мыслях. – Сколько женщин подряд или одновременно я смогу... – тут она запнулась, так как не смогла сразу сообразить, какое слово будет уместно употребить.

– Трахну, – подсказала Даша.

– Да, – согласилась Аврора. – И в чем смысл? Это же жутко неудобно: то одна, то другая. И что делать с презервативом? Менять? В общем, чушь...

– Да не чушь! – вмешался Тимур. – Просто две женщины...

– Не говори, что это красиво, иначе мне придется тебя отравить! – воскликнула Даша. – Если бы я решила лечь в кровать с двумя мужчинами, я бы хотела, чтобы они занимались сексом со мной, а не друг с другом. Если уж я занимаюсь сексом – я им занимаюсь, а не сачкую. Все, пошли! – Она схватила Аврору под локоть. – Нас ждут дела!

– Э-э... – опешил Тимур.

– Вот! – Даша положила на стойку визитную карточку. – Позвони, если будешь в настроении. Если я буду занята, дам твой телефон! – сообщила она Авроре и поволокла ее в центр зала.

– Ой! – удивилась Аврора. – А ты с ним не очень резко?

Даша остановилась посреди зала, нырнула в сумку и копалась в ней минут пять, пока не вытащила пачку сигарет и зажигалку. Прикурила, глубоко затянувшись.

– Ты не обратила внимания, – спросила она у Авроры, глядя той в глаза, – что он – самолюбленный мальчишка, который кончает при мысли о том, какой он крутой? Пусть встрях-

нется, поймет, что девочки-припевочки – это один расклад, а такие шикарные телки, как мы, ему в ближайшие десять лет не светят? Пусть знает свое место – это еще никому не вредило!

Аврора не готова была согласиться с тем, что лично она – шикарная телка, и вообще ей казалось, что Даша – слегка чокнутая, но... Было что-то в этой Даше. Еще полчаса назад Аврора решила бы, что Даша – та же Жанна, вид сбоку, но... Было в Даше что-то... настоящее. И даже внешность... Она не была красоткой. То есть была, но и... не была. Она так держалась, так одевалась, что казалась неотразимой, но у нее, во-первых, был большой нос, слишком тяжелая нижняя челюсть, неровные зубы и... Если бы не уверенность в себе, Даша бы выглядела просто страшной. Хотя у нее были красивые глаза. И хорошая кожа. И чувственные губы. В общем, странная девица, но дружить с ней отчего-то хотелось.

– У меня что, прыщ? – нахмурилась Даша.

– Нет, а что? – вздрогнула Аврора.

– Ты так уставилась на мой нос, как будто на нем что-то происходит!

– Нет, прости, я просто... – смутилась Аврора.

– У меня большой нос, – кивнула Даша. – Но должны же мы чем-то отличаться.

– В смысле... – Аврора окончательно запуталась.

Но тут Даша завопила: «Ярик!» – и бросилась на высокого молодого человека. На очень высокого молодого человека. На молодом человеке черная майка с черепом была надета на черную же рубашку, черные замшевые штаны удлиняли и так не самые короткие ноги, а на шее красовался мощный черный ошейник с заклепками. Вдобавок ко всему Ярик был таким радикальным брюнетом, что волосы у него даже отливали синевой.

Даша с Яриком довольно долго обнимались, похлопывали друг друга по спине и обменивались замечаниями вроде: «Как я рада!» – «Ну, это надо же...»

– Это Ярик, мой друг! – сообщила Даша, когда наконец оторвалась от него. – А это Аврора.

Ярик согнулся в три погибели и торжественно дважды поцеловал Аврору в щеки.

– Ярик! Гуляем?! – пристально глядя на друга, то ли спросила, то ли предложила Даша.

Ярик несколько заторможенно ухмыльнулся, подмигнул и воскликнул:

– Гуляем!

– А кто такой Ярик? – прошептала Аврора на ухо Даше.

– Ярик-то? – загадочно улыбнулась та. – Вампир.

– Энергетический?

– Допустим...

Подробности Аврора узнать не успела: они подошли к столику, за которым сидела такая компания, что Аврора забыла обо всем на свете. Готы. То есть вроде как готы. Особенно ее поразила девушка в сиреновом платье, которое было похоже на свадебный наряд принцессы Дианы. При этом глаза у девушки были густо накрашены черным, губы были совершенно белые, а ногтями можно было запросто резать свинину. Глаза у Авроры разбегались: она заметила ирокез длиной в полметра, прическу в стиле мадам Помпадур, почти голую девицу в черном шифоне, молодого человека с обнаженным торсом и сережками в сосках...

– Психи... – с нежностью произнесла Даша и принялась здороваться.

Аврора же, находясь в некотором недоумении, присела на край дивана и подумала, не зря ли она связалась с Дашей. Как вообще все эти люди очутились на карамельно-сливочном концерте Валерии?

– Ко мне поедет? – предложил Ярик.

В ответ раздались возгласы одобрения, компания поднялась с насиженного места и направилась к выходу. Аврора с удивлением замечала, что окружающие не очень обращали на них внимание. Словно идут обычные люди, заурядная светская публика...

«Может, я такая консервативная?» – подумала Аврора, но, посмотрев, как Ярик, облачается в черную норковую шубу до пят и с огромным воротником, решила, что экстравагантности новому знакомому явно не занимать.

И ей это понравилось! Даже не просто понравилось, а пьянило! Они все были такие красивые, яркие, сексуальные и... свободные, что рядом с ними Аврора чувствовала себя так, словно она на полной скорости несется на водном скутере навстречу горизонту. Захватывающе!

На улице их ждал очень длинный и очень современный черный лимузин. Они все с удобством устроились на кожаных сиденьях, кто-то налил всем красного вина – очень выдержанного, терпкого и сухого, и под музыку Дэвида Боуи Аврора с новыми друзьями отправилась неизвестно куда.

Минут через двадцать лимузин остановился, водитель погудел, снаружи что-то заскрипело, машина тронулась, но медленно. Видимо, они ехали по двору. Наконец автомобиль припарковался, двери открылись, и пассажиры выбрались наружу. Аврора ахнула. Они были в центре города, на набережной. А вокруг был завод. Самый настоящий старинный завод – с красными кирпичными зданиями цехов, с черными дореволюционными трубами, из которых валил белый дым...

Аврора не заметила, как к ней подошел Ярик и обнял за плечи.

– Ну, как? – поинтересовался хозяин.

– Круто! – кивнула Аврора. – А ты здесь... снимаешь?

– Нет, – покачал он головой. – Купил завод, чтобы никто не лез. Там, – кивнул он на комплекс построек, – коньяк разливают, а здесь, – он указал на двухэтажное длинное здание, – я живу.

– Офигеть! – не без зависти воскликнула Аврора.

Ярик проводил ее к входу – массивным деревянным дверям, обитым чугунными скобками. Двери сами собой распахнулись, и на вновь прибывших вывалились музыка, шум-гам и тепло.

Аврора первый раз в жизни поняла, что такое настоящий шок, сравнимый с тем, что испытывают люди, пережившие автокатастрофу. Такого она никогда не видела. И даже не предполагала, что может когда-нибудь увидеть. Первый этаж представлял собой одну громадную комнату, которая больше походила на костел. На уровне второго этажа была галерея, так что потолок находился на высоте метров десяти, и с него прямо посередине зала свисала бронзовая люстра, в которой горели – невероятно! – настоящие свечи. На первом этаже под галереей стояли диваны, а в дальнем конце комнаты пылал огромный камин, от которого направо и налево тянулась барная стойка. Посреди же зала танцевало человек двести – и все они нисколько не отличались от компании, что приехала вместе с Яриком. И это были грязные танцы. Некоторые остались лишь в нижнем белье, чулках и подвязках, молодые люди – без верхней части одежды, и то, что они вытворяли, можно было смело приравнять к стриптизу, а местами – назвать самой настоящей порнографией. И музыка... Группа «Кьюр» гремела так, что удивительно, почему не повывлетали из окон стекла. Аврора не могла понять, как так вышло, что с улицы ничего не было слышно.

– Ну, как впечатления? – спросила Даша.

– Я... да все как-то... – промямлила Аврора. – Обалдеть! Это что, клуб?

– Нет, это дом Ярика. – Даша помотала головой.

– А он что, подпольный миллионер? В цехах коньячного завода производит кокаин? – изумилась Аврора.

– Я же тебе сказала, он – кровопийца! – усмехнулась Даша. – А они всегда как-то выкручиваются.

– Кровопийца – это что, нефтяной магнат? Политик? – приставала к ней Аврора.

– Послушай! – Даша всплеснула руками. – Ну, какая разница? Пойдем выпьем!

Аврора пожала плечами: действительно, чего она пристала? Не в том дело, в каком смысле кровопийца, а в том, что она попала на самую восхитительную, самую зажигательную, самую фантастическую вечеринку на свете!

Они с Дашей не без труда прорвались к бару, и грудастая девушка в кожаном боди смешила им странный зеленый коктейль.

– Это что? – насторожилась Аврора, обнюхивая бокал на длинной ножке с теплым напитком.

– Пей! – расхохоталась Даша. – Залпом пей, не манерничай!

Аврора честно присосалась к коктейлю, который был так горяч – во всех смыслах, что жег горло. Он был и сладкий, и горький, и явно очень крепкий, но Аврора чувствовала, что это был не просто алкоголь. Было в напитке что-то особенное, невероятное. С одной стороны, она чувствовала себя так, словно с нее сдирали кожу – все тело ломало и горело, но самое странное, что это было в кайф! С последней каплей Авроре почудилось, что она сейчас упадет замертво, но уже через секунду ей показалось, что тело ее не подчиняется закону притяжения и парит.

– Вот это да! – Она расхохоталась без причины.

– Что я тебе говорила! – откликнулась Даша. – Пойдем танцевать!

И она потащила Аврору на танцпол, но не затерялась в толпе, а вытянула подругу на небольшую круглую сценку с шестом, согнав какую-то толстую девицу, и бодро скинула рубашку. Рубашка улетела в толпу – толпа довольно заревела, а диджей сменил «Кьюр» на «Депеш Мод», и народ взвыл от восторга.

Аврора никогда, ни разу в жизни, даже в мечтах, не чувствовала себя такой счастливой и свободной. Она танцевала на глазах у сотни людей в лифчике и джинсах и не казалась себе смешной, или нелепой, или вульгарной... В здешнем воздухе было много, очень много секса, но то была кристально чистая сексуальная энергия, без всякой пошлости, без сомнений в том, что к тебе может подойти какой-нибудь извращенец и обращаться с тобой, как со шлюхой, без шепотков по углам: а у нее целлюлит, хи-хи-хи... Здесь все были самими собой.

– Слушай! – проорала Аврора в ухо Даше. – Если я выпью еще один коктейль, я выживу?

– Конечно! – закричала Даша. – Даже похмелья не будет!

Про похмелье Аврора не очень поверила, но все же смело пошла в бар. Едва она пригубила напиток, ощутила сзади какой-то жар. Обернулась: прямо за ней стоял полуголый мужчина в джинсах и высоких кожаных ботинках. Ботинки почему-то Аврору очень заинтересовали: они были, по всей видимости, очень дорогие, возможно, ручной работы и, вполне вероятно, сшиты на заказ.

А их владелец... Ох... Фантастической красоты блондин с такими наглыми глазами, что от одного его взгляда можно было испытать оргазм.

– Здесь есть еще малый танцпол, – заявил он. – Не хочешь посмотреть?

«Малый танцпол? – подумала Аврора. – Не смешите меня...» Но ей даже понравилась его искренность. Все так просто, да? Шила-то в мешке не утаишь... Все и так ясно: он хочет ее, она хочет его...

Аврора положила руку ему на затылок и прикоснулась губами к его губам, отчего явственно услышала шум у себя в голове и чуть не потеряла сознание. В прямом смысле. Ей захотелось мужчину так, как заядлому курильщику хочется сигарету в конце рейса Москва – Сингапур, когда двадцать часов лету, а курить не разрешается...

В обнимку они тихо добрались до лестницы, поднялись наверх и уже почти открыли высокую черную дверь в комнату, как вдруг Аврора услышала гневный окрик:

– Аврора! Ты куда собралась?

Аврора обернулась и увидела Дашу, которая буквально метала громы и молнии. Спутник Авроры как-то сжался и отпустил девушку.

– Все! – бушевала Даша. – Поехали отсюда!

– С какой стати?! – возмутилась Аврора. – Ты что, взбесилась?

– А ты... – Даша замахнулась на молодого человека, а тот что-то пискнул и отпрыгнул подальше. – Какого черта ты тут вытворяешь?! Не видишь, это моя подруга?! Ты что себе позволяешь?

Аврора, открыв рот, наблюдала за странной сценой. К сексу она уже потеряла интерес – несостоявшийся любовник вел себя уж больно жалко, но необъяснимая реакция Даши ее если не напугала, то сильно удивила. Может, она все-таки лесбиянка?

– Объясни мне... – начала было Аврора, но Даша уже тянула ее за руку.

– Сматываемся отсюда! – понукала ее приятельница. – Ну, шевелись!

Даша бесцеремонно расталкивала народ и даже не обратила внимания на Ярика, который зывал их за свой столик. Только оказавшись на улице, она, казалось, немного успокоилась.

– В чем дело-то? – настаивала Аврора.

Даша некоторое время размышляла, постукивая ногой по земле, после чего сложила руки, как для молитвы, и произнесла:

– Слушай, вот нам было весело, да?

Аврора кивнула, подтверждая.

– Но ты понимаешь, при всем при том это довольно... странные типы. Со странно-стями. – Даша выразительно посмотрела на Аврору – так, словно хотела мысленно передать какую-то информацию. – С большими странностями.

– Зачем же мы тогда сюда поехали?

Даша пожала плечами:

– Ну... Ведь было весело?

– Было! – согласилась Аврора. – Только я не представляю, что такого могло произойти...

– И хорошо, что не представляешь, – перебила ее Даша. – Слушай, сейчас не время для такого разговора. Давай мы вернемся к нему позже, если все еще будем общаться? Ладно?

Авроре ничего не оставалось, как согласиться. И она поплелась за странной новой знакомой. Хотя, надо сказать, пару раз она чуть было не набросилась на Дашу сзади – был большой соблазн вцепиться ей в горло и душить, пока та во всем не признается.

Девушки с невероятными усилиями спустились по лестнице на набережную: и сама лестница была старая, и перила будто вросли в землю – чтобы опереться на них, нужно было сгорбатиться. А на ступенях были такие наслоения льда и такие колдобины, что Даша на своих невозможных шпильках чуть было не рухнула вниз вместе с Авророй, в которую вцепилась мертвой хваткой.

– Уф! – выдохнула наконец Даша, ступив на ровную поверхность. – Ну и спуск... Ну, как настроение?

Аврора прислушалась к себе. Настроение у нее вроде было все еще приподнятым.

– Тогда поедem знакомиться с мужчинами?

Аврора энергично закивала.

– С нормальными мужчинами... – бубнила Даша себе под нос, ловя машину. – Миллионеры, знаменитости, дети политиков... Никакого беспредела! Вот я маме расскажу, что тут Ярик вытворяет!

– А твоя мама знает Ярика? – вмешалась в ход ее мыслей Аврора.

– Знает... – фыркнула Даша. – Да она один раз его в подвале закрыла, и он там год просидел... Ой! – приложила она руку к губам. – Слушай, отстань от меня со своим Яриком!

– Это, между прочим, твой Ярик! – возмутилась Аврора.

Но поссориться не вышло – они уже приехали на Мясницкую.

– Тут все по-другому, – предупредила Даша.

Они прошли один двор, второй и очутились перед старым розовым домом в форме буквы П.

– Туда! – Даша ткнула пальцем в угловой подъезд, и скоро они уже поднимались в старом лифте, еще с решеткой в качестве двери, на последний этаж.

Дверь им открыл пьяненький мужчина в очках, который ел что-то аппетитное из глубокой тарелки и одновременно пританцовывал. Из квартиры слышались трели Пугачевой.

– Даша! – воскликнул мужчина. – Вот счастье привалило! Егор! – завопил он, проглотив еду. – Тут к нам Зверева пожаловала! С красавицей-подругой!

Авроре, конечно, стало приятно оттого, что ее называли красавицей, так что она быстро позабыла странности предыдущей вечеринки и улыбнулась во весь рот.

В коридоре появился высокий, мускулистый мужчина в брюках галифе, майке в обтяжку и кошмарном женском парике: старом, рыжем и лохматом. К тому же парик то ли сидел криво, то ли был надет задом наперед.

– Даша! Чмок-чмок-чмок! А я такой холодный, ла-ла-ла...

Даша на секунду будто замерла, а потом расхохоталась – да так, что сползла по косяку.

– Ну, что же ты, скотина, гостей на пороге держишь! – все тем же манерным голоском говорил мужчина, обращаясь к первому, с тарелкой. – И жрет, и жрет, как будто и так в штаны не влезает! – Он выхватил тарелку, подцепил с нее на вилку нечто и сунул неопознанную еду в рот. – Ой, клянусь Пугачевой, это божественно...

Даша тем временем поднялась с пола, утерла слезу, которая вытекла из глаза вместе с тушью.

– Знакомься! – торжественно объявила она. – Это моя подруга Аврора, а это – Денис, худший певец в мире.

Денис снял парик и шлепнул им Дашу по голове.

– Тьфу! – возопила Даша. – Из него же животные разлетаются!

– Нет никаких животных! – обиделся Денис. – Это парик моей бабушки, царствие ей небесное.

– Знаю я твою бабушку, – кивнула Даша.

– Бабушка, святая женщина, завещала мне эту квартиру, так что я о ней – только хорошее! – воскликнул Денис. – С тех пор как я здесь живу, ни разу не вспомнил, как она орала мне с пятого этажа: «Эй, говнюк, иди обедать!» Ну, что вы встали, что встали?! – закричал он. – Как маленькие! Давай, – бросился он к Авроре, – ручку сюда, ножку сюда, ботиночки снять... Или сама справишься?

Аврора рассмеялась и сняла дубленку.

– Так! – завопил Денис. – Наша сегодняшняя вечеринка посвящается Алле Пугачевой! Парик... Где парик? Парик верните!

Аврора подняла с пола парик и протянула ему, Денис кое-как надел его ей на голову:

– Хором поем под караоке! Вперед!

Они прошли в комнату, в которой люди в блестящих красных, черных и каких попало париках и шиньонах отплясывали под песни Пугачевой. Денис бросился к микрофону и запел:

– До сих пор стою я у той черты...

Голос у него, кстати, был сильный, хорошо поставленный, и он так артистично изображал приму эстрады, что все замирали от восторга.

– Вот мои друзья детства, – сообщила Даша. – Дружим, так сказать, семьями.

– Класс! – произнесла Аврора.

– Вы есть хотите? – подошел к ним симпатичный молодой человек. – Меня Витя зовут.

– А что это такое? – полюбопытствовала Аврора.

– Ну, вообще-то сначала были калифорнийские роллы, только они у Миши развалились. Но все равно ужасно вкусно, – охотно рассказал Витя и, зачерпнув вилкой кашу загадочного цвета, предложил Авроре.

Она попробовала и поняла, что страшная на вид еда действительно очень и очень вкусная.

– Будешь? Пойдем на кухню, а то у меня от Пугачевой уже раздражение на коже.

Они перебрались на кухню, Витя переложил роллы с подноса в тарелку, налил в высокий бокал колы со льдом и уставился на Аврору.

– Я бы хотел жить на последнем этаже небоскреба, – сообщил он, пока Аврора жевала. – На тридцать пятом, например. Я бы каждое утро орал: «Я король мира!» И чтобы стиль был японский, аскетичный: все белое, дерево коричневое, а спать и есть на полу...

– А ты где живешь? – поинтересовалась Аврора.

– В соседнем подъезде.

– Но... – Аврора отложила вилку и отпила колы, – ты же можешь переехать.

– Дело в том, – вздохнул Витя, – что меня бесят небоскребы, я боюсь высоты и мне не нравится минимализм. К тому же японцы – жестокая нация.

– А как же... – удивилась Аврора. Видимо, в этот вечер ей суждено было все время удивляться.

– Ну, просто прикольно представлять себя таким Микки Рурком в расцвете сил, крутым парнем, который считает, что у него член, как небоскреб, и которому для счастья нужно три вещи: бритва, пистолет и диск Тома Уэйтса.

– А ты чем занимаешься? – спросила Аврора, которую Витя занимал все больше и больше.

– Прямо сейчас? – уточнил Витя.

– Слушай, я в здравом уме, так что вполне ясно представляю, чем ты занимаешься СЕЙ-ЧАС.

– Чем? – усмехнулся Витя.

– Пытаешься произвести на меня впечатление.

Витя смутился, но не больше чем на секунду.

– Получается? – полюбопытствовал он.

– Вполне, – кивнула Аврора. – Так какая у тебя профессия?

– Я режиссер, – быстро ответил Витя и перечислил нашумевшие театральные постановки и очень, ну просто сверхпопулярный фильм, после которого стали говорить о возрождении русского кино.

Авроре вдруг почудилось, что она в невменяемом состоянии поддалась на развод лохотронщиков и очнулась лишь тогда, когда в сопровождении громилы сняла с карточки последние деньги. Да не может такого быть! Она, Аврора, запросто беседует с режиссером номер один? Черт! Нет, и правда. Просто она как бы в том самом небоскребе, о котором говорит Витя, но боится высоты... Все эти мысли за секунду пронеслись в голове девушки – она даже не успела как следует испугаться, но развеялись, поблекли, и Аврора с искренним воодушевлением сказала:

– Твой фильм – мой любимый фильм! Ты молодец!

Витя расплылся в улыбке и согласился с тем, что он – гений и гордость нации. А потом они пошли танцевать и лихо отплясывали под «Не обещай». Затем Аврора исполнила «Паромщика» и «Эти летние дожди» – и первый раз в жизни поймала кайф от караоке. Это было прекрасно! Такое освобождение! Непонятно, правда, от чего, но после пяти или шести песен (три дались с борьбой – никто не хотел уступать свое место, и Авроре пришлось буквально пресмыкаться) ей показалось, что не было ни рабочего дня, ни скольких там – страшно вспомнить! – коктейлей...

Но на самом интересном месте – во время перекура с Витей в темной комнате с окнами, которые выходили на заснеженную Сретенку, – Даша (правда, довольно деликатно) сообщила, что уходит. В общем, она даже не предлагала Авроре пойти с ней, но... Витя попросил ее телефон, продиктовал все свои номера и минут двадцать прощался, уверяя, что позвонит прямо завтра, если Аврора не против и если у нее нет других планов...

– Очень хочется черной икры, – заявила Даша, вылезая из сугроба.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовалась Аврора.

– Предлагаю купить, – буркнула Даша, которой снег завалился за шиворот.

Они дошли до «Седьмого континента», купили огромную – за бешеные деньги, но платила Даша, у Авроры все равно столько с собой не было – банку, попросили открывалку, чем напугали продавщицу, и взяли одноразовые пластмассовые ложки. Даша, оказывается, припасла маленькую бутылку виски, и они прямо на улице стояли и ели икру, пили виски и смотрели, как сквозь розовый свет фонарей падают снежинки.

– Ненавижу зиму! – с чувством заявила Даша, протягивая банку поближе к Авроре.

– И я! – согласилась Аврора. – Просто летаргический сон какой-то...

– Уезжать надо куда-нибудь, – с тоской произнесла Даша.

– А что не уезжаешь?

Даша хмыкнула и перевела разговор:

– Приходи ко мне в салон. На весь день. Бесплатно.

– Ой, спасибо, конечно... – зачастила Аврора.

– Не надо только вот этого! – с упреком сказала Даша. – Просто приходи.

– Завтра?

– Конечно! – Даша задумалась. – Слушай, я домой хочу.

Они поймали такси и довезли сначала Аврору. Обменявшись номерами телефонов, девушки устали друг на друга.

– Ну, теперь можешь меня благодарить! – разрешила Даша.

– Извини, ты упустила момент. Надо было раньше думать, – усмехнулась Аврора.

– Ладно, завтра звони, как проспишься... Ах да, у тебя же работа... Ну, когда получится, звони и приезжай. Сделаем из тебя королевишну. И забери ты икру эту, видеть ее не могу! – С этими словами она впихнула Авроре в руки банку с остатками икры и вытолкала девушку из машины.

Аврора шла домой, и ей казалось, что под ее ногами тает снег, начинает расти трава, а вокруг распускаются розы. Она была счастлива.

Глава 5

Даша подошла к Авроре и сунула ей под нос ладонь.

– Это что?! – отпрянула Аврора. – Тьфу, это же ногти, а я то думала...

– Мне надоело, что твои ногти валяются где ни попадя! Меня это бесит! Вчера я мылась в ванной с твоими ногтями, сегодня они выпали из книжки, которая лежит на тумбочке, а завтра я найду их в пепельнице!

– Какая ты зануда, – сообщила Аврора и взялась за книжку.

– Что, трудно выбросить всякую дрянь? – кипятилась подруга.

Даша затеяла дома ремонт: отчего на нее напала эта блажь, никто так и не понял, но пару недель она буквально сходила с ума – ей повсюду мерещились какая-то там сложносочиненная штукатурка, эскизы старинной лепнины, настоящий английский паркет, якобы содранный в одном из разорившихся хартфордширских поместий, и прочая ерунда, которая не давала спокойно жить ни ей, ни друзьям, ни родственникам.

– Ты ведь не против, если я у тебя поживу? – спросила она Аврору. – Не люблю чужие квартиры.

– Но ведь моя квартира как раз и есть чужая... – намекнула Аврора.

– Ну, разве она чужая? – изумилась Даша. – В ней же ты, моя подруга!

– А что мама? – с надеждой поинтересовалась Аврора.

– Во-первых, у мамы муж, во-вторых, два наглых ротвейлера... – Даша пожала плечами. – К тому же она собирается разводиться, так что они меня достанут своими разговорами «по душам»...

– Как разводиться?! – воскликнула Аврора. – Что случилось?

Прошло всего два месяца с той памятной ночи необычных вечеринок, а Авроре казалось, что они с Дашей знакомы целую вечность. Все было у них таким похожим: привычки, недостатки, пристрастия, вкусы, замашки, взгляды на жизнь... И маму Даши Аврора тоже ощутила как будто дальней родственницей: не было ни привыкания, ни расстояния между поколениями, ни той разницы, которая бывает в отношениях «дочки – матери»... К тому же Ната была очень красивая. Не так, как мама Авроры: та время от времени просыпалась от кошмара – ей снилось, что во всем мире закончился ботокс, а она сама от горя съела беляш... Аделаида знала наизусть расписание лучших пластических хирургов, бегала к психотерапевту, если заболела массажистка, которая обычно приходила каждое утро, и грозила косметичке покончить с собой, если у той вдруг закончится чудо-крем, от которого кожа делалась гладкой, как шелк...

А Ната просто выглядела молодо. При том что у нее намечался и второй подбородок, и живот несколько выпирал, и от уголков глаз разбегались морщины. Казалось, она всю жизнь была такая: с морщинами, животиком и крупными венами на руках, но в ней было столько женственности, столько сексуальности, столько жизнелюбия, что на нее оборачивались старшекласники! К тому же Аврора еще не встречала женщину, которой бы так шла одежда. Ната одновременно была и экстравагантной, и элегантной. Все ее наряды были неизвестного происхождения: однажды Аврора спросила, что за дивная на ней кофточка, а Ната резко заявила, что у нее есть портниха, но ее имя и телефон она не сдаст и под самыми страшными пытками.

Еще у нее был невероятно красивый дом – в знаменитом комплексе зданий на набережной, с огромной террасой и окнами на Кремль. Но при том что дом вроде находился в самом центре Москвы, и зимой видна была заледенелая река, и белые крыши домов, и ветра задували со всех сторон, в квартире у Наты казалось, что находишься в южном городе. Беленые стены, яркие грузинские и мексиканские настенные ковры, простая, даже грубая деревянная мебель вперемежку с каким-то слегка облупленным азиатским антиквариатом, лес комнатных растений, плотные, как принято на юге, шторы, низкие диваны...

Муж у Наты был очень известный адвокат лет на десять ее младше. Казалось, у них отличные отношения – муж ее обожал, задаривал, баловал, а Ната не чувствовала ни разницы в возрасте, ни опасности со стороны более молодых, наглых и цепких женщин. Поэтому, когда Даша сообщила, что Ната разводится, Аврора расстроилась от всей души.

– Ничего не случилось. – Даша пожала плечами.

– То есть? – опешила Аврора.

– Просто у мамы такой принцип, – нехотя ответила Даша. – Ты, наверное, не поймешь.

– Точно! – Аврора хлопнула себя по лбу. – Я же тупица! И как это я забыла! Черствая, бездушная тупица!

– Ну, прекрати... – поморщилась Даша.

– Слушай, дорогуша! – прикрикнула на нее Аврора, подперев одной рукой бок, а другой ткнув в подругу. «Дорогушами» она называла тех, на кого сильно злилась. – Мне надоели твои игры в «кто у нас самый умный»! У тебя вечно какие-то недомолвки, и меня это достало! Ты, женщина, пьешь из моей любимой кружки и носишь мои тапки с когтями, так уж будь добра обращаться со мной так, как я того заслуживаю!

Даша расхохоталась, но видно было, что она смущена. Да и Аврора, несмотря на показной драматизм, говорила без всякой иронии. Хотя они уже два месяца дружили не разлей вода, кое в чем их отношения были странными, а местами и вовсе тревожными.

...После первой встречи, после сумасшедших вечеринок, счастливая Аврора рухнула в кровать как подкошенная и проспала до часу дня. Когда она приехала на работу – всклокоченная, с головой, которая, по ее ощущениям, весила, как автомобиль «Газель», на нее с дикими воплями набросился Гера. Он орал так, словно подчиненная научила его десятилетнего сына курить. Аврора слушала-слушала, как он вспоминает все: как она два года назад сломала студийные наушники, как потеряла новостную ленту за пять минут до выхода в эфир, как одолжила у него сто долларов и не могла вернуть полгода... А потом встала, подхватила сумку и пошла вон из комнаты.

– Ты обнаглела, да? Экстази нажралась? – заорал вслед Гера. – Тебя тут что-то не устраивает?

– Не устраивает, – обернулась Аврора.

– Да? – Гера подбоченился. – И что же?

– Можно в письменном виде? – предложила Аврора.

– Конечно! – Ставший вдруг любезным Гера даже подсунул ей бумагу и ручку.

Спустя четверть часа он вслух зачитал список того, что ее не устраивает:

«Пункт первый. Зарплата. Грех жаловаться – на дорогу хватает, но, если хочется есть, приходится ходить пешком. Пункт второй. Ненормированный рабочий день. Почему, если Артем Герасимов хочет выпить или заняться сексом, я должна за бесплатно доделывать его работу? Пункт третий. Презумпция невиновности. Если не доказано, что я занимаюсь джинсой – то есть за деньги делаю материалы о тех или других событиях, возможно, не стоит меня в этом обвинять, тем более в далеких от юриспруденции терминах типа „сука драная“ и прочих подобных, даже похлеще...»

Поначалу Гера читал список с некоторой саркастической издевкой, но вскоре начал звать. Видимо, взгляд на себя со стороны не устраивал его.

У Авроры заорал телефон – Даша интересовалась, записать ли ее на комплексный уход за лицом и как вообще у нее настроение, самочувствие...

– Даш, я тебе перезвоню. Меня сейчас убивают, – приглушенным голосом сообщила Аврора.

– Ты на работе? – уточнила Даша. – Герасимов?

Вчера Аврора во время поедания икры сожалела о том, что придется тащиться на работу, а там толстый и вечно сексуально неудовлетворенный начальник...

– Ну да, – подтвердила Аврора. – Ладно, я перезвоню. Хорошо?

Едва она нажала «отбой», Герасимов улыбнулся вдруг душевно-душевно и поинтересовался:

– Напомни, что мне мешает тебя уволить?

– Страх, что я всем расскажу, как тебя побил охрана Киркорова.

Герасимов покраснел. Ничего страшного тогда не произошло: он приехал в Питер на сборную солянку звезд эстрады, напился, сел в лифт, облокотился на дверь, дверь открылась, и Гера рухнул к ногам Киркорова. А когда понял, кто перед ним, принялся орать какую-то похабщину, за что охрана певца отвела его в сторону и нежно, но убедительно прощупала ему ребра.

Сама по себе история была не очень позорной, но Гера не любил ее вспоминать.

– Прекрасно, – кивнул Гера, который, если судить по внешним признакам, готов был размазать Аврору по стене. – Тогда вот что...

– Гер, тебя к телефону! – с тревожным видом перебила его Аня, редактор. Она обычно именно так выглядела, когда Гере звонил генеральный.

Не отрывая взгляда от Авроры – ну, просто как в голливудском триллере! – Гера принял телефон, послушал, кивнул, послушал, кивнул, оглядел Аврору с головы до ног, еще пару раз кивнул (как-то уж слишком энергично), положил трубку и обратился к Авроре:

– Выйдем!

Она пошла за ним в полной уверенности, что Гера будет уламывать ее написать заявление «по собственному желанию» – в этом случае ей не заплатят сверх того, что она отработала.

– Я повышу тебе зарплату, – с мрачным видом произнес Гера. – И ты будешь получать за работу в выходные. Ну, и я постараюсь больше не называть тебя матом. О «суке драной» и речи быть не может! Отказаться от нее – выше моих сил.

– Гер... – Аврора заглянула ему в глаза. – Тебя что, зомбировали? Тебе лично ВВП звонил и пообещал, что, если ты меня любить не будешь, он тебя расстреляет? Так, что ли?

– Ой, ну у тебя чувства юмора вообще нет, так что лучше не остри... – поморщился Гера.

Аврора решила больше к нему не приставать, но в глазах у него она заметила... страх. Близко к сердцу не приняла, а с собой и давным-давно не связала. Решила, что на Геру в очередной раз наехали – либо партнеры по преступному рекламному бизнесу в обход казны «М-радио», либо очередной малолетний любовник, которых Гера подбирал разве что не по каналам. Отвлекли его, настроили на философский лад – вот он и вспомнил, что Аврора уже который год работает за три копейки. Главное, чтобы завтра не забыл.

Гера не забыл.

И вообще жизнь как-то наладилась. Не то чтобы произошло нечто сверхъестественное, просто Аврору почти никто не выбивал из состояния равновесия.

Даже Жанна.

Последний раз Аврора видела сестру, когда вместе с Дашей была на показе у каких-то чудаков-французов. Даша тогда устроила истерику из-за того, что Аврора не хотела красить лицо.

– Я не вижу смысла краситься, как женщина племени масаи! Я такая, меня такой создала природа, и я себе нравлюсь! – убеждала Аврору. – Зачем портить кожу всякой дрянью, если в итоге все равно все знают, как ты на самом деле выглядишь?

– Затем! – заорала Даша. – Ну, какая же ты тупая! Это просто кошмар! Понимаешь... – Она понизила тон и села рядом с подругой на диван. – Ты ведь зачем-то бреешь ноги.

– Это другое! – воскликнула Аврора. – Это гигиена...

– Конечно, гигиена... – фыркнула Даша. – Но! Если ты покрасилась, красиво оделась, выглядишь шикарно – это такое сообщение всему миру, что ты не какая-то там курица без амбиций с самооценкой ниже температуры на Южном полюсе. Ты – девушка, которая может

быть неотразимой, девушка, которая не жалеет времени на себя, девушка, которая может и любит производить впечатление!

– Может, стоит просто напечатать все это на майке? – усмехнулась Аврора. – Четко и ясно, и не надо будет тратить время и кучу денег на косметику...

Даша хмыкнула и подошла к туалетному столику.

Они были у нее в квартире – в чудесной квартире на Покровском бульваре. Старый кирпичный дом с толстыми стенами, арочные окна, большие комнаты... У Даши вся квартира в коврах, ковриках, шкурах и подушках – за ними почти не было видно мебели, но все это создавало невероятный уют. И что самое приятное, здесь было просторно, а каждая комната имела свое предназначение: гостиная, кухня-столовая, спальня, кабинет, гардеробная и ванная, которую, как сказала Даша, пришлось объединить с кладовкой. Они в тот момент сидели в гардеробной – не каком-нибудь крошечном чуланчике, а в обычной комнате метров шестнадцать, с зеркалом во всю стену, с кучей специальных шкафов: для обуви, для сумок, для белья, для аксессуаров – и с большим трюмо.

Даша выдвинула один из ящиков.

– Помада, – сообщила она. – И блеск для губ.

Аврора открыла рот: целый ящик помады? А Даша открыла следующий ящик.

– Тени для век. А здесь у меня румяна и пудры, тут тушь и всякие пуховки. Искусство макияжа, дорогая, заслуживает уважения, а не глупых замечаний в стиле раннего феминизма. Давай я тебя накрасю, а ты мне честно скажешь, если тебе не понравится.

Аврора решила, что раз уж Даша накупила столько косметики, то в покое ее не оставит, и покорила. Села в кресло с позолоченными ножками-ручками и вышивкой на спинке, закрыла глаза и заговорила тираду из серии: «Я же тебе говорила, это не мое»...

От воплей и криков удержаться было трудно, но Аврора сумела. Не от вредности, скорее от изумления. Она не меньше получаса была так недовольна тем, что ее мучают, что просто не могла не произнести: «О боже! Я была не права!» Но, глядя в зеркало, чувствовала, что влюбляется. Влюбляется в девушку, смотрящую на нее из зеркала. Конечно, смотрела на нее она сама, но... какая-то совершенно новая, бесподобная, роковой, фантастической красоты. «Дымчатый взгляд», сверху какие-то блестящие серебристые тени, длинные и пушистые ресницы, отчего-то блестящие волосы, уложенные в «бабетту»... А губы нежные, пухлые, с четкой линией...

– Теперь тебя надо переодеть! – заявила Даша и нырнула в шкаф.

Минут пять она копалась, а потом выплыла с джинсами в обlipку, белой прозрачной кофточкой с люрексами и такими роскошными бархатными сапогами, что Аврору бросило в жар. «Это не для меня! – кричало некто у нее внутри. – Я не могу! Я другая!» Но она как замороженная смотрела на великолепные вещи и понимала – если их сейчас надеть, назад пути не будет.

– Давай! – понукала Даша. – Вперед!

Аврора, будто в полусне, стала переодеваться. Ее пошатывало, и она никак не могла попасть ногой в сапог. А когда все было готово, то с удивлением уставилась на джинсы, которые едва прикрывали лобок. Даша бросилась к ней, намотала на талию пояс, на руках застегнула мощные браслеты из кожи и металла, отошла на метр, полюбовалась и застонала от удовольствия.

– Богиня! – сказала она и подвела Аврору к большому зеркалу.

Смотрелась она... Она – не она. Девушку в зеркале нужно было фотографировать для журнала «Vogue», приглашать на вечеринку в честь «Оскара», выдавать замуж за Дональда Трампа... Аврора подошла к незнакомой девушке поближе. Попросила:

– Сигарету дай.

Даша быстренько прикурила для подруги сигарету и вручила ее вместе с пепельницей. Аврора пару минут повертелась перед зеркалом, после чего обернулась к Даше и поинтересовалась:

– И как мне жить дальше?

Было заметно, что Даша вздохнула с облегчением. Она села в кресло, положила ногу на ногу и лениво произнесла:

– Ни слов благодарности, ни обмороков, ни аплодисментов...

– Да-аш... – Аврора присела на ручку, которая подозрительно скрипнула.

– Ну, вот, сейчас еще и кресло, которому двести лет, ломает... – пробормотала Даша.

– Даш, я правда не понимаю: как мне себя вести? – спросила Аврора, вставая с ручки. – Это же прямо перерождение... Мне теперь что, срочно начинать разорять нефтяных и строительных магнатов?

– Веди себя естественно! – воскликнула Даша. – Как всегда! В том-то и кайф! Послушай, если Кейт Мосс называют иконой гламура, то уж тебе-то сам бог велел... Будешь ходить, производить на всех впечатление. Не знаю, мне кажется, что внешность должна соответствовать внутренней сущности.

– То есть ты хочешь сказать, что вот это и есть моя сущность? – спросила Аврора, уставившись на себя в зеркало.

– Конечно! – подтвердила Даша. – А теперь шевели своей сущностью, и поехали, а то пропустим все самое интересное.

После показа, во время фуршета с шампанским, Аврора заметила сестру, которая хихикала с ведущим MTV, Арчи.

– О боже! – воскликнула Аврора. – И здесь моя сестрица!

– Вот эта вздорная девица – твоя сестра? – уточнила Даша.

Аврора расхохоталась:

– Она.

– Пойдем! – Даша потащила Аврору к Жанне и Арчи.

– Куда... зачем... – упиралась Аврора, но Даша оказалась удивительно сильной и хваткой.

– Привет, разлюбезная сестра, – поздоровалась Аврора, когда деваться было уже некуда.

Жанна обернулась и некоторое время искала сестру, чей голос слышала, пока не осознала: великолепная модная красотка в шикарных сапогах – Аврора. За пару секунд лицо девушки несколько раз сменило выражение, но Жанна, честь ей и хвала, довольно быстро пришла в себя.

– Ты чего так вырядилась? – с милой улыбкой на устах спросила она.

– Сестра всегда мне завидовала. Как старшей, – с такой же милой улыбкой сообщила Аврора Арчи.

– Вы Жанна? – воскликнула Даша. – Жанна Диброва?

Жанна слегка наклонила голову: да, мол, я та самая, всемирно известная Жанна Диброва. И прошу не путать с Дмитрием Дибровым, к нему не имею ни малейшего отношения, звезда телеэкрана и светская девушка.

– Я вас помню! – торжествовала Даша. – Мы вместе были в Сочи на даче у Дениса Белых, вы тогда приехали с Лашо Ониани...

Даша еще что-то говорила, а Жанна слушала ее с каменным лицом. Меньше всего она рассчитывала, что когда-нибудь встретится с человеком, который помнит, что она встречалась с Лашо Ониани – очень богатым, влиятельным, но и весьма подозрительным, если не сказать стремным, типом, а главное – жутким уродом. В прямом смысле. То есть волосы у него из ушей не росли, угревой сыпи не было, и даже щеки, как у хомяка, тоже можно простить – просто он был какой-то отвратительный. Гадкий. Поговаривали, что он помог многим известным девуш-

кам на старте, но мало кто из них готов был в этом признаться, так как репутация жесткого, циничного, развратного и малокультурного человека не оставляла места для сомнений – все девушки встречались с Лашо из-за денег. Очень больших денег. Жанну из капризной избалованной папенькиной дочки Лашо сделал шикарной дивой, звездой. И это он дал ей денег на новую грудь.

– Ты нас не представила, – перебила Дашу Жанна, повернувшись к сестре.

– Это Даша, у нее салон «Стальные магнолии», а это моя сестра Жанна, – сообщила Аврора.

– А! – воскликнула Жанна. – Я раньше туда ходила, но у вас стригут плохо.

– А вы у нас не стриглись, – улыбнулась Даша. – Вы красились. А потом сказали, что не хотите платить, так как вы звезда из телевизора.

Жанна покраснела.

– Не может быть... – промямлила она.

– Я вырядилась так потому, что у меня свидание с Виктором Рокотовым, – вмешалась Аврора.

– Какое волевое имя... – хмыкнула Жанна. – Подожди! С тем самым Рокотовым?!

– Извините, нам пора! – Даша сгребла Аврору в охапку и потащила в сторону.

– Почему ты не дала мне сказать, что и правда с тем самым Рокотовым? – возмутилась Аврора, когда они отошли подальше.

– Чтобы она дольше мучилась! – призналась Даша. – Но мы же ее круто, да?

– О да! – рассмеялась Аврора. – А ты действительно с ней знакома? Что же ты мне раньше не сказала?

– Я тебя умоляю! – Даша закатила глаза. – Я просто навела справки.

– Супер! – одобрила Аврора. – Ты мой кумир!

Но при том, что дружить с Дашей очень Авроре нравилось, было в их отношениях слишком много недомолвок. И странных недомолвок, пугающих, чтобы Авроре не приходило в голову, что ее подруга – темная личность.

Например, как-то раз Аврора осталась у Даши ночевать. Просто так. Они затрепались, и лень было ехать домой... В общем, Даша сказала, что поработает немного, и Аврора устроилась с конфетами и чаем у телевизора. Спустя некоторое время ей захотелось что-то Даше сказать, она открыла дверь в кабинет, но Даши в нем не было. Не успела Аврора как следует рассмотреть комнату – она в ней еще ни разу не была, так уж сложилось, – как свет вдруг погас, а дверь захлопнулась. Вроде бы ничего особенного не произошло, но Авроре вдруг стало страшно. Даже жутко. Казалось, тьма, которая была совершенно непроглядной – сквозь шторы не проникало ни капли света, словно окно заложили кирпичами, – сгущалась, воздух редел, становился липким и душным, как в тропиках. У Авроры сжалось горло, будто ей на лицо накинули шарф, руки и ноги отяжелели... Но тут в комнату ворвалась Даша.

– Ты чего тут делаешь? – изумилась она, включая свет.

– Ты где была? – некрасиво взвизгнула Аврора.

– В туалете.

– Я просто зашла к тебе, а тут свет вырубился и дверь закрылась! – завопила Аврора.

Все это время она стояла спиной к комнате и лицом к дверям. Даша взяла подругу под локоть и вывела из кабинета.

А когда она ночью пошла в ванную и попробовала по пути, из любопытства, открыть дверь в кабинет, та не поддавалась. При том что замка не было. Аврора спросила у Даши, как такое может быть, а та, судя по выражению лица, хотела было заявить, что нечего лазить по чужим комнатам, но сдержалась и соврала – точно соврала, двух мнений быть не может! – что Авроре все почудилось.

Или тот странный случай, когда они еще раз встретили Ярика и с ними увязался его знакомый: вдруг оказался рядом с квартирой Авроры – отпустил, что ли, такси и бежал по горячим следам? Это был низенький дагестанец – судя по лицу, явно деревенский, крестьянин, и он совсем не подходил ни Ярику, ни разудалой яриковской компании. Он стоял на лестничной клетке и просился позвонить, попить, воспользоваться туалетом... и Аврора чуть было не сказала: «Да, заходи», но Даша просто втолкнула ее в квартиру, а сама так орала на лестнице на того горца, что Аврора просто была в шоке.

– Ты чего разошлась? – спросила она у подруги, когда та с изменившимся лицом вошла в квартиру.

Даша даже не ответила – она звонила Ярику.

– Ты чего своих распустил совсем? В гости навязываются, обнаглели совершенно, ты им, диким, рассказал бы о правах и обязанностях, а то держись, я тебе устрою...

После того как Даша швырнула трубку и присосалась к бутылке минеральной воды, Аврора попыталась обвинить подругу в шовинизме, но Даша устало помахала рукой.

– Шовинизм тут ни при чем, – ответила она. – Совсем не о том речь...

– А о чем?! – вышла из себя Аврора.

– Ты не поймешь, – как всегда, отмахнулась Даша.

И этих «не поймешь» накопилось столько, что Аврора готова была приковать подругу к батарее и пытаться щипцами для завивки, лишь бы выяснить, какое такое дело от нее столь тщательно скрывают. Вот и сегодня, опять...

– Хорошо! – выдала наконец Даша, припертая подругой, что называется, к стенке. – Я тебе все объясню. Мама ни с одним мужчиной не живет больше пяти лет.

– Почему? – удивилась Аврора.

– Потому что она ни в кого, кроме отца, не влюблялась, а жить с мужчиной ради... – Даша пожала плечами. – Ради чего?

Аврора задумалась.

– Ради того, чтобы иметь близкого человека рядом, – ответила она. – Ради того, чтобы не быть эгоисткой. Ради того, чтобы вместе воспитывать детей... Не знаю...

– Ты хочешь сказать, что твоя мама не эгоистка? – Даша подняла одну бровь.

– Да, жизнь сложная штука, никогда не поймешь, когда надо заботиться о себе, а когда – быть доброй и отзывчивой! – воскликнула Аврора.

Даша усмехнулась:

– А я, например, прекрасно понимаю, что в первую очередь думала, думаю и буду думать только о своих интересах!

– То есть, если мы окажемся вдвоем в перевернутом горящем автомобиле, ты убежишь, не подав мне руки? – уточнила Аврора.

Подруга вроде бы смутилась, но наконец ответила:

– Ну, сейчас-то я могу наплесть чего угодно, но случись такое, скорее всего, поступлю так, как ты сказала. – Она посмотрела на Аврору, которая слегка ошалела от подобной откровенности. – Я могу заморочить тебе голову. И мужчина может заморочить тебе голову. Но все заканчивается тогда, когда вы перестаете друг друга удивлять. Тогда вы рождаете детей, покупаете новую квартиру, приобретаете тайм-шер на Багамах – и все, вы семья, идеальная ячейка потребления, захватывающая все сферы рынка. Выходные вы начинаете с того, что обсуждаете, в какой магазин поехать и какого цвета купить холодильник, в субботу после гостей вам опять не хочется заниматься сексом – вы устали, наелись и выпили немного лишнего...

– Слушай, так обо всем можно сказать – в любом деле есть и положительные стороны, и отрицательные... – улыбнулась Аврора. – Люди бывают счастливы оттого, что у них все стабильно и гладко.

– Только не я! – Даша сверкнула глазами. – И Нате больше нравится быть любовницей, а не женой.

– Слушай, а твоя мама чем-то занимается? – поинтересовалась Аврора. – Ну, она домохозяйка или...

– А вот это мы обсудим в следующий раз, – нервно оборвала ее подруга. – Потому что я не сказала тебе главного.

– Да-да! – отозвалась Аврора.

– Итак, – кивнула Даша. – Я вот тут решила, что мы с тобой слегка озверели от совместной жизни, а так как ремонт пока в разгаре, то предлагаю съездить отдохнуть. Я уже заказала билеты и места в отеле – через неделю мы с тобой улетаем.

– Куда?!

– На Ямайку.

Аврора открыла было рот, но так и не смогла ничего сказать. На Ямайку? А работа?

– А работа? – спросила она. – Вдруг меня не отпустят?

– Уволишься, – отмахнулась Даша. – Если что, я всегда могу нанять тебя как пиар-менеджера, пока не найдешь что-нибудь подходящее.

Никакой пиар-менеджер Даше не был нужен – в ее салон записывались за неделю, и Аврора, пока сама не ходила на несколько процедур, не могла понять, почему так. Но когда она разглядела свою кожу, которая из бледно-серой, с красными точками на подбородке и коричневыми тенями на веках, превратилась в белую, гладкую и такую здоровую, словно Аврора всю жизнь прожила в Новой Зеландии – пила родниковую воду и ела хлеб из девственной пшеницы, – вот тогда она поняла, почему женщины устраивают истерики, если их не принимают в случае пятиминутного опоздания, будь ты хоть Алла Пугачева.

– Слушай, ну... – проямлила она.

– Остров пиратов. Остров Вуду. Сейчас там двадцать шесть тепла. Море – двадцать семь. Все такое ленивое, томное, солнечное... – соблазняла Даша.

– У меня нет денег! – Аврора всплеснула руками.

– Я угощаю, – сообщила Даша.

– С какой стати?

– Считай это платой за жилье, – усмехнулась подруга. – К тому же ты моя первая подруга в жизни, что я и хочу отметить.

– Ну... – Аврора кусала губы.

– Соглашайся! – умоляла Даша.

Розовый песок. Лазурное море. Влажная тропическая зелень. Рэгги. Мулаты и мулатки. Старые и красивые вудуистки. Боб Марли. Далеко-далеко от Москвы... Аврора чуть не застонала, когда представила всю эту красоту.

Она даже произнести ничего не смогла – только кивнула и улыбнулась так, что щеки свело.

– Будем пить ром? – предложила Даша.

– Под пальмами, на пляже, ночью! – развила мысль Аврора.

Глава 6

Аврора с нежностью посмотрела на чемодан. Шик! Чемодан подарила Ната – сказала, что, раз она потеряла дорожную сумку от комплекта, не имеет смысла держаться за все остальное. Чемодан был роскошный: из темно-красной толстой кожи, с серебряной фурнитурой. А к нему такой же несессер, очень вместительный, так как Ната делала его на заказ.

Аврора еще раз открыла чемодан и полюбовалась на вещи – аккуратно упакованные, проложенные хрустящей прозрачной бумагой. Они с Дашей закупили кучу всего: джинсы, платья, блузки, купальники, босоножки, шлепки...

Зазвенел звонок. Аврора захлопнула чемодан и помчалась к дверям. Ура! Часа через два они будут в аэропорту, а спустя четыре полетят на Ямайку!

Аврора распахнула дверь и сразу поняла – что-то не так.

Даша выглядела как человек, предвкушающий не отдых в теплых странах, а подготовку к похоронам.

– Даш, что... – начала было Аврора, но Даша молча прошла в комнату и прямо в шубе села на диван.

Выглядела она неряшливо: кое-как забранные в хвост волосы, ни косметики, ни даже намек на то, что Даша вообще сегодня умывалась, синяки под глазами, а вместо легких ботинок, в которых было бы удобно в самолете – пушистые унты.

– Аврора, прости меня, если можешь, но я не могу никуда лететь. У нас в семье несчастье.

– Что случилось? – спросила Аврора, которая быстро проиграла в голове утешительную фразу: «Ничего, еще неделю назад я не собиралась никуда лететь. Зато у меня есть куча летних нарядов, полечу еще и на Ямайку, и куда угодно».

– Мой дядя ушел от тети, – мертвым голосом сообщила Даша. – К другой женщине.

Аврора уставилась на Дашу в полнейшем недоумении. Развод? Неужели он может быть поводом для скорби, особенно если учесть, что разводится не Даша, а также все то, что подруга говорила о любви и браке?

– Знаешь, Аврора, для нашей семьи это большое несчастье, – призналась Даша. – У дяди с тетей были особенные отношения. Тетя сходит с ума. Мама поехать к ней не может – они в ссоре, и тетя не хочет ее видеть, так что еду я. Я отвезу тебя в Шереметьево...

– Нет, я без тебя не поеду, – решительно объявила Аврора.

Даша первый раз за последние несколько минут проявила признаки жизни: посмотрела на подругу с неподдельным ужасом.

– Это еще почему?! – гневно спросила она.

– Потому что я не бросаю друзей в горящей машине, – ответила Аврора.

– Что за чушь! – закричала Даша, которая, видимо, уже некоторое время сдерживала чувства. – При чем тут я? Не будь дурой!

– Мы собирались ехать вдвоем! – заорала в ответ и Аврора. – Мы этого хотели вместе, и я не хочу получать удовольствие, зная, что ты – между прочим, именно ты устраивала нам каникулы! – ходишь тут злая и мрачная, в то время как я валяюсь на пляже. Ясно? Я не поеду! Я лучше тебя поддержу здесь и сейчас!

Даша даже отшатнулась. Осмотрела Аврору с ног до головы, закусила губу, отвернулась и задумалась. Думала она долго: Аврора успела заварить чай, выкурить сигарету и тоже задуматься – над тем, отчего в одних домах есть моль, а в других нету. На размышления ее навело большое пятно от кофе на пледе – как ее учили, моль заводится как раз в пятнах. Но у Авроры никакой моли в пятнах не было. Может, моль не любит кофе?

– Слушай, а ты не хочешь поехать со мной? – как-то странно глядя на подругу, спросила Даша.

– Куда?

– К тете.

– Э-э... А куда?

– Это километров триста от Москвы, – неопределенно ответила Даша. – У тети там загородный дом.

– Слушай, а что я там буду делать? – удивилась Аврора. – Неловко как-то, у вас семейные проблемы, а тут я такая – с чемоданом пляжных обновок...

– Знаешь... – Даша поднялась с дивана. Вид у нее был возбужденный. – Я думаю, будет здорово, если ты со мной поедешь. В некотором смысле тебе это будет даже более интересно, чем Ямайка.

– Что ты хочешь сказать? – недоумевала Аврора, которой на самом деле очень даже хотелось поехать с Дашей. Она ведь уже настроилась на путешествие и стремилась выбраться из дома.

– Все объяснения по пути. Едешь?

– Еду! – подхватила Аврора. – Только мне надо поменять вещи – с летних на зимние...

– Не надо... – Даша покачала головой. – У меня с собой куча тряпок, я тебе одолжу.

Они вышли из дома, кинули чемоданы в багажник, Аврора устроилась на пассажирском сиденье и уставилась на Дашу, ожидая подробностей.

– Позже, – улыбнулась та. – Я сама начну, ладно?

Часа через два, когда они уже выехали из города, пронеслись мимо заснеженных полей и лесов – февраль заканчивался, но весной еще и не пахло, – Даша свернула на проселочную дорогу. Они ехали вдоль каких-то амбаров, миновали пару-тройку развалившихся деревушек и, наконец, заехали в густой еловый лес. Ели были громадные, старые, аж черные от возраста, и пушистые лапы прогибались под тяжестью снега, а дорога была хуже некуда – ухабистая, кривая, узкая. И чем дальше, тем ближе подступали деревья – скоро машина с трудом пробиралась сквозь ветви, которые стегали по окнам.

– Даш, мы вообще где? – не без страха поинтересовалась Аврора.

– Да здесь участок такой мерзкий... – сосредоточившись на дороге, ответила та. – Сейчас прорвемся.

Задул ветер, срывая с деревьев снежные хлопья, все завертелось, закружилось, и Аврора с трудом понимала, куда они едут – ничего не было видно.

Наконец дорога стала немного шире, и хоть метель не прекращалась, они теперь продвигались вперед с большим удобством – ухабов было меньше, да и ели расступились.

Еще часа полтора ехали через лес – и ни одной встречной машины, но Аврора отчего-то, вместо того чтобы волноваться, наоборот, расслабилась, впала в дрему и не могла себя заставить произнести ни слова. Она прикрыла глаза и, поклявшись себе не спать ни в коем случае, неожиданно отключилась. Когда Даша начала ее трясти за плечо, Аврора поняла, что вроде бы не спала, но в то же время и не ощущала действительности.

– Что? – спросила она. – Приехали?

– Почти. – Даша ткнула пальцем в ветровое стекло: – Видишь сосны?

Аврора пригляделась: и правда впереди высились сосны.

– Проедем их и будем на месте, – сообщила Даша.

– А это... – Аврора протерла глаза. – Почему стоим?

– Мне надо кое-что тебе сказать. – Даша поставила машину на ручник и повернулась к подруге.

– Слушаю. – Аврора перегнулась на заднее сиденье и покопалась в сумке – искала банку с кофе, который пару часов назад был горячим, а теперь наверняка остыл.

Даша потянула ее за шкирку, вернула на переднее сиденье, достала из бардачка банку, открыла и отдала подруге.

– У меня очень необычная семья, – призналась она. – Ты сейчас, конечно, не о том подумаешь, но я тебе все-таки ничего подробно рассказывать не буду. Выедем из леса, ты все увидишь своими глазами, а потом, клянусь, я тебе объясню, что будет нужно. Главное – ничему не удивляйся. Сделай вид, что все идет как обычно, не разевай рот и ни о чем ни спрашивай. Как только мы окажемся у нас в комнате, я отвечу на твои вопросы.

– Знаешь что... – начала было Аврора, но передумала и честно сказала: – Ты меня пугаешь, и я уже жалею, что не улетела на Ямайку.

– Без паники! – воскликнула Даша. – Если будешь делать то, что я сказала, все будет хорошо. Но если ты серьезно передумала, я тебя доведу до станции, и ты вернешься в Москву.

– Пожалуй... нет, – покачала головой Аврора.

Даша улыбнулась с облегчением, завела машину, и они через десять минут выбрались из леса. Аврора сделала вдох и не смогла выдохнуть: они очутились на берегу небольшого озера, которое со всех сторон окружали сосны. Прямо перед ними, на другой стороне, стоял дом – огромный, просто невозможно огромный старый дом с двумя мощными башнями, массивными эркерами, скульптурами – издали, конечно, их трудно было разглядеть, но понятно было, что скульптуры большие, если их видно даже с такого расстояния. Смеркалось: небо было васильково-синим, снег искрился в свете еще бледного полумесяца, лед на озере блестел – все кругом было таким необыкновенным, что Аврора лишь молча уставилась на Дашу. А та пожалала плечами и вывернула машину на дорогу вокруг озера.

Они остановились перед домом, и пока Даша вытаскивала из багажника чемоданы, Аврора, позабыв обо всем, разглядывала статуи у входа. Ростом с лошадь, чудовища с человеческим лицом, телом льва, крыльями летучей мыши и хвостом скорпиона. В открытой пасти чудищ виднелось несколько рядов зубов. Аврора поежилась – существа были хоть и каменные, но слишком уж жуткие.

– Ты помочь мне не хочешь? – заорала Даша и... метнула в Аврору ее чемодан.

Чемодан пролетел метра полтора и рухнул в сугроб, что совершенно вывело Аврору из себя – с какой стати ее завезли в какую-то жуткую глушь, а теперь еще разбрасывают ее вещи?

– Какого черта? – рявкнула она на Дашу, подошла к подруге и пнула ее сумку ногой.

– Так! – Даша выставила руку ладонью вперед. – Всем стоять! Сохраняйте спокойствие, наш самолет падает вниз со скоростью тысяча километров в секунду – нам недолго осталось... – Она наклонилась, зачерпнула рукой снег и протерла лицо. – Я волнуюсь...

– Слушай, она же, тетя твоя, не станет резать себе вены... – робко поинтересовалась Аврора.

– На это я даже не смею надеяться... – усмехнулась Даша.

Они собрали вещи в кучу и направились к лестнице. Пока Даша копошилась с багажом – у нее отчего-то было много небольших сумок вместо одного солидного чемодана, – Аврора сделала несколько шагов по ступенькам и услышала отчаянный вопль подруги:

– Сто-ой!

Не успела девушка обернуться, как заметила, что статуи чудовищ... как бы ожили, что ли. Глаза у них стали красными. Зубы во рту посветлели. Обнажились бледные десны, затрепетали острые ноздри...

– Аудасес фортуна юват! [Аудасес фортуна юват! (Audaces fortuna juvat!) – смелым судьба помогает! (лат.) (Примеч. авт.)] – прокричала Даша, подбегая к Авроре.

Аврора точно видела, что чудовища облизнулись, закрыли пасти и снова окаменели. Точно! Девушка обернулась к Даше, которая развела руками, произнесла:

– Я тебя предупредила – все вопросы потом, – и вернулась за сумками.

И тут Аврора заметила, что у нее дрожат ноги – трясутся, как желе, но Даша уже понукала:

– Чего встала? Иди!

И они уже поднимались по ступенькам, стучали молотком в дверь и прислушивались к шорохам и скрипам внутри дома, которых было немало. Наконец, когда они уже стали зябнуть, дверь отворилась, и на пороге показалась женщина средних лет. Цыганка с копной небрежно утянутых в хвост пышных волос, с заспанными глазами была одета в такой откровенный топ, что Аврора даже скорчила гримасу. Грудь то ли пятого, то ли шестого размера кое-как держалась в тоненькой прозрачной маечке, а на широких бедрах женщины трещали джинсы с заниженной талией, из которых выпирало загорелое пузо.

«Ну и тетя у Даши!» – удивилась Аврора.

– Мать твою! – Цыганка выпучила глаза.

– Привет! – Даша швырнула сумки в прихожую и легла на грудь женщины.

Они смачно расцеловались, после чего Даша представила Аврору.

– А это Нина, наше все, – сообщила Даша подруге, придерживая Нину за талию. А затем совсем другим тоном поинтересовалась у «нашего всего»: – Как она?

Нина развела руками.

– Она и так не в себе, а сейчас просто... – Цыганка выразилась, не смущаясь. – Сама увидишь.

«Значит, это не тетя», – решила Аврора.

В то время как Нина и Даша полусшепотом обсуждали состояние тети, Аврора огляделась. Отделка особняка была бы роскошной, если бы... если бы не создавалось впечатление, будто хозяева когда-то давно сильно разбогатели, а потом вдруг то ли разорились, то ли вернулись к прежнему, довольно скромному достатку. Картины в пафосных, здоровенных рамах, украшавшие холл, потемнели настолько, что местами невозможно было разглядеть, что же на них нарисовано, а позолота на рамах обветшала и кое-где осыпалась. Каменные ступени широчайшей лестницы, что вела наверх, затерлись – стали похожи на потрескавшийся асфальт. Мебель, некогда, видимо, очень дорогая, с искуснейшей инкрустацией, выглядела так, словно вот-вот развалится.

Даша, кажется, тоже заметила плачевное состояние дома и загрустила.

– Дом скучает... – вздохнула она.

– Да уж, – подтвердила Нина.

– Что же теперь со всеми вами будет? – тревожно спросила Даша.

Нина закатила глаза.

– Сходи к ней, – посоветовала она.

Даша кивнула Авроре, и они поднялись на второй этаж. Пол наверху был не каменный, как в прихожей, а деревянный. Паркет аж посерел от старости и был такой противный, что умелый рисунок почти совсем скрылся под вековой грязью. Даша быстро прошла по коридору до упора, остановилась перед потрескавшейся дверью, чтобы постучать, но передумала и молча распахнула створки.

Аврора, заглянувшая в комнату, от удивления даже икнула. Посреди очень большого помещения валялась в прямом смысле гора одежды. Как будто сюда вытряхнули целый склад: пальто, шубы, платки, брюки, платья, блузки, сумки... Со стен свисали обои – казалось, их начали отрывать, как перед ремонтом, но на полпути передумали. Правда, кое-где к стенам приклеили образцы ткани – желтой, бледно-зеленой, голубой. На полу валялся отрез розовой материи в цветочек, а кушетка, обтянутая темно-лиловым шелком в фиолетовую полоску, была распорота в ключья.

Посреди этого бедлама стояла женщина в белом халате с гагачьей оторочкой и ярко-блондинистом парике. Она уставилась на Дашу, швырнула в сторону «Космополитен», развела руками и спросила:

– Ему этого хотелось? Вот так? У тебя есть бензин? Сучка Нина спрятала ключи от гаража! Бензин можно заказать по телефону? Кстати, какого черта ты приперлась? И что за чучело с тобой?

Она плюхнулась на разоренную кушетку и прилегла, положив правую руку тыльной стороной на лоб.

– Мила! – бросилась к ней Даша. – Зачем тебе бензин?

Даша села на кушетку рядом с тетей и погладила ее по голове.

– Хочу сжечь все это барахло, раз старого извращенца привлекают болонки в стиле Барби и Малибу! – прошипела Мила.

– Но... – начала было Даша.

– Ты видишь, что происходит?! – воскликнула тетушка и вскочила с кушетки. Сорвала парик, под которым оказались длинные черные волосы.

Аврора заметила, что тетя удивительно красива: тонкое бледное лицо, карие глаза с поволокой, аккуратные припухлые губы. Просто совершенство – на нее хотелось смотреть до бесконечности.

– Ты поняла, что происходит с домом? – У Милы, кажется, начиналась истерика. – Сначала дом, потом я, затем Нина... И что? Я умру старой и безобразной только потому, что грязный похотливый развратник меня больше не любит?!

Даша огляделась, схватила со стола стакан с водой и выплеснула ее тете в лицо.

– А! О! – задохнулась Мила. – Дура! Это же водка...

– Да ты пьяная! – расхохоталась Даша.

– А ты – тупица! – фыркнула Мила. – Спихватилась... Сразу что, не ясно было? Я же на ногах не держусь!

Даша вздохнула, обняла тетю, погладила ее по голове и увела из комнаты. Минут двадцать Аврора ошивалась в холле, от нечего делать пытаясь рассмотреть портреты, но вскоре решила: раз за ней никто не ухаживает, нечего миндальничать – и прошла по дому, ища свободную комнату. Двери справа от входа были заперты. Слева Аврора обнаружила большую комнату, разделенную на две части открытым камином: со стороны озера она была столовой, со двора – гостиной. Камин был просто гигантский – таких девушка даже представить себе не могла, а по обе стороны от него стояли одинаковые красные кожаные диваны. В остальном убранство было довольно мрачным: темно-коричневая, почти черная мебель – массивная, готическая, гнетущая, резные кресла, длиннейший обеденный стол, а в гостиной – кресла с высоченными спинками, лампы на тяжелых бронзовых основаниях и тяжелые столики с таким, мягко говоря, затейливым орнаментом, что невозможно было разобрать – то ли мастер изобразил древние мифы, то ли какую-то вполне современную порнушку.

Вторая дверь комнаты выходила в коридор. Многие двери были закрыты, и в конце концов Аврора очутилась на кухне, которая ее несказанно удивила. Кое-как оштукатуренные стены, столы из грубого, плохо отесанного дерева и множество глиняных кувшинов: некоторые почти в человеческий рост, другие не больше десяти сантиметров в высоту, третьи на литр, но их было так много, и все они, были, похоже, сделаны вручную, что Аврора не могла взять в толк, откуда их вообще взяли и зачем они нужны. Посреди кухни располагалась плита – здоровенная печь со множеством чугунных конфорок, от которой сейчас шел такой жар, что у девушки сразу запыхало лицо.

«Каменный век», – подумала она и тут услышала визг. Аврора страшно испугалась, обернулась и заметила женщину в платке и каких-то нелепых тряпках. Это она взвизгнула, увидев вошедшую девушку. Женщина была деревенская, это сразу бросалось в глаза: темная грубая

кожа, никакой косметики, обветрившиеся руки, спрятанные под косынкой волосы, домотканые вещи...

– Простите... – извинилась Аврора.

Женщина опасливо отошла на шаг назад и что-то пробормотала на непонятном языке.

– Я случайно зашла, извините, пожалуйста... – принялась было оправдываться Аврора, но тут громко хлопнула дверь.

– Кофе хочешь? – спросила появившаяся в кухне Нина.

Аврора кивнула. Не обращая внимания на тетку, Нина взяла джезvu, насыпала из обычной упаковки кофе «Лавацио», налила воды из ведра и поставила на плиту.

– Дикая, – кивнула она на тетку, которая по стеночке вернулась к одному из разделочных столов и продолжила то дело, от которого ее отвлекли, – стала катать тесто. – Мила приволокла ее с гор. Пожила среди берберов и помешалась на здоровой еде. Все натуральное: даже посуда. Все сделано заботливыми грязными руками диких троглодитов. По-моему, это его и доконало.

– Мужа? – уточнила Аврора.

Нина кивнула.

– Каши какие-то, сборная солянка не пойми из чего, муку она сама мелет, кофе жарит... как колбасу. – Нина закатила глаза. – Ее кофе вообще пить нельзя. Дура!

– Да ладно тебе... – Аврора пожалела крестьянку.

– Ага! – фыркнула Нина. – Жрем баланду, да еще эта мымра ни фи́га не понимает и, главное, понимать не хочет. Это невыносимо! Я сюда тайно суши привозила, и мы с Кириллом их по ночам уплетали.

– А зачем ей это надо? – поинтересовалась Аврора.

Нина пожала плечами.

Тут на кухню ввалилась Даша.

– О боже... – Она повалилась на стул. – Еле уложила! Она меня пыталась покусать!

– Да уж, – кивнула Нина, – она может.

– Валяй, рассказывай, что тут у вас происходит, – обратилась Даша к Нине.

Нина покосилась на тетку:

– Не здесь...

Она сняла кофе с плиты, достала фарфоровые чашки, сахарницу, налила молока из пакета в небольшой молочник, вывалила в вазочку шоколадные конфеты, воровато оглянувшись на кухарку, отрезала пахлавy и поставила все это на серебряный поднос.

– Контрабанда! Заводские изделия у нас под строгим запретом. Но лично я отбила право есть конфеты. Под угрозой увольнения, – пояснила она и вышла из кухни.

Девушки отправились за ней и вошли в одну из комнат, что были заперты. Нина открыла ее своим ключом. Она была не очень большая, но уютная – и, главное, все в ней было новенькое, яркое, симпатичное.

– До тебя не дошло еще? – поинтересовалась Даша.

– Пока вроде тьфу-тьфу... – ответила Нина. – Садитесь! – велела она.

Девушки устроились на белом диване в зеленую полоску, а Нина достала из шкафа бутылку рома.

– Украла из дядиных запасов, – призналась она Даше.

Когда все попробовали ром, выпили кофе с дивными, вкуснейшими конфетами, Нина вынула тонкую коричневую сигарету, приоткрыла окно, плюхнулась в низкое вельветовое кресло и оставилась на Дашу.

– Началось все с того, что полгода назад он поехал в Питер, – сказала она. – Там у него появился какой-то очень крупный заказчик. А Мила по Магрибу путешествовала – вернулась совершенно сдвинутая... В общем, уехал он в Питер и познакомился там с Алисой...

– Ты ее видела? – перебила Даша.

– Видела, – кивнула Нина. – Мы с Кириллом во второй раз вместе ездили. Такая... уютно, сяськи-масьски... Блондиночка, волосики гладкие, макияж золотистый, костюм в розочках... Ну, не знаю... Фальшивка – от макушки до пяток. Она в ресторан пришла с каким-то типом в розовом галстуке, и я думала, она из вредности с Кириллом цацкается – хочет своего мужика позлить... Если б я знала! Понимаешь, она на вид вся такая воздушная, эфирная, но об нее можно ножи точить – это ж сразу видно! Не понимаю, как Кирилл... В общем, Мила, когда вернулась, притащила с собой эту деревенщину, посуду – одним словом, просто помещалась на Магрибе. Говорит, там такая магия древняя, такая девственная энергия... – Нина замолчала и посмотрела на Аврору. Спросила у Даши: – Она наша?

Даша кивнула и добавила:

– Просто еще не знает об этом.

– Да? – Нина поглядела на Аврору с подозрением.

– Дальше! – рявкнула Даша.

– Вот, и начались какие-то обряды, духовно чистые продукты, спим мы теперь только на льняных простынях – все это чучело ткет, даже станок привезла с собой... Кирилл, конечно, скандалил, а потом уехал в Питер. И вот нет его неделю, вторую, а на шестнадцатый день приходит письмо: «Дорогая, я полюбил другую».

– Неужели он не думал, к чему это приведет? – ахнула Даша.

– Думал. Написал: «Мне насрать».

– Чудесно! – Даша покачала головой. – И тетя ничего сделать не может?

– Не-а... Ты же знаешь. По договору он свободен.

– Сколько ей осталось?

– Полгода... – Нина нахмурилась. – Мне – год от силы...

– Черт... – простонала Даша. – И это мой собственный дядя...

– Попробуй на него повлиять, – с мольбой в голосе обратилась к ней Нина. – Надо же что-то делать. Так умирать не хочется...

– А ты хотела жить вечно? – усмехнулась Даша.

– Всегда! – подтвердила та. – Ну, Мила! – Нина потрясла кулаком. – Ну почему у нее такой отвратительный характер?

– За него Кирилл ее и любил, – грустно ответила Даша.

Они еще немного посидели, но скоро Даша сказала, что им надо отдохнуть, сгребла в охапку ром и Аврору и потащила наверх. Со второго этажа на чердак вела винтовая лестница: она заканчивалась площадкой, на которой было три двери. Даша открыла ту, что была прямо перед ними, и они попали в комнату со скошенным потолком и огромным полукруглым окном, которое выходило на озеро.

– Моя личная резиденция, – уведомила Даша. – Не расслабляйся – некоторые предметы опасны для жизни.

В комнате были две кровати, небольшая библиотека, просторный письменный стол – места за ним с лихвой хватило бы на троих, и некое подобие гостиной у окна. Там девушки и расположились – на низких сиденьях, почти у самого пола, бархатных диванов с подушками.

– Готова узнать страшную правду? – Даша сделала большие глаза.

– Не уверена, – честно ответила Аврора.

– Тогда выпей, – посоветовала Даша. – Тебе нужен добрый старый друг ром – одна не справишься.

Глава 7

– Значит, так, – приступила Даша к рассказу. – Все, что я тебе скажу, – правда. Вопросы типа: «Да неужели?», «Ты не врешь?» и «Это шутка?» – остаются без ответа. Уяснила?

Аврора кивнула.

– Я – ведьма, – произнесла Даша.

Аврора открыла было рот, но тут же захлопнула.

– Настоящая ведьма, – уточнила Даша. – И мама моя ведьма, и тетя. Дядя – маг, Нина – знахарка. Мы стали такими больше трех тысяч лет назад и до сих пор не утратили ни способностей, ни знаний.

– Даш... – перебила ее Аврора. – А что ты имеешь в виду, когда говоришь «ведьма»?

– В общем-то, если говорить на понятном тебе языке, магия – это нечто вроде умения управлять энергией. Вот ты, например, понимаешь, как биты и байты в компьютере складываются в картинки, тексты и цифры?

– Я даже не понимаю, как все это передается по Интернету, – ухмыльнулась Аврора.

– Видишь ли, люди сейчас постепенно возвращаются к древним знаниям – пока что с помощью всякой техники, но это говорит о том, что есть такое стремление. Давным-давно люди забыли о божественной, магической сущности, утратили то, чем их наделил творец, и сейчас заново пытаются вернуться к началу. Ну как тебе объяснить? Вот дует ветер, ты чувствуешь, что он сильный, прохладный, а я так же чувствую энергию мысли. До меня доносятся мысли, чувства и прочие штуки. Например, всякие там гадалки просят принести с собой фотографию. Ты в курсе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.